

Д. А. АБАШЕЕВ

ТУНКИНСКИЙ ГОВОР

ВВЕДЕНИЕ

Тункинский аймак Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики занимает широкую долину по течению реки Иркут (от *эрхэ* — «капризная»), к западу от озера Байкал. Долина тянется до самой границы Монгольской Народной Республики и упирается в вечноснежный Мунко-Саридак. На всем своем протяжении (около 300 км) она по северной стороне окаймлена величественными Саянами, а на юге — знаменитым хребтом Хамар-Дабан.

Природа аймака богата. В дебрях тайги водятся ценные звери, встречаются редкостные экземпляры растительного мира. Из горных ущелий шумно несут свои хрустально чистые воды многочисленные целебные источники-аршаны. По красоте и богатству природа Тунки бесспорно занимает одно из первых мест в нашей республике. Недаром она воспевается всеми бурятами: *Түнхэн гэжэ газарнай түглээхэжэ һазхан даа* (Как хороша и величественна наша тункинская земля!). Немало слов восхищения посвящено красотам Тунки всеми теми, кто побывал здесь.

Территория аймака изолирована от всех других районов республики. Только с двух сторон — с востока от Байкала, с запада — со стороны Монголии она имеет связь с внешним миром. С севера и юга закрывают долину высокие горные хребты.

В условиях дореволюционного времени население Тунки редко выходило за пределы своих улусов. Основным занятием населения тогда было экстенсивное скотоводство и охота на пушных зверей. О культурных запросах улусов того времени говорить не приходится, грамотность населения едва достигала четырех-пяти процентов, никто не имел среднего образования. Повсюду царила темнота и бедность. Такое положение как нельзя лучше благоприятствовало бесцеремонной деятельности любителей легкой наживы — спекулянтов-купцов. Все добытое «мягкое золото» и скот за бесценок покупали толстосумы, главным образом иркутские купцы, про которых тункинцами сложено немало песен и поговорок.

Характер хозяйственного уклада прежней Тунки довольно четко отражается в ее устном творчестве — фольклоре. Так, например, повсеместно бытует здесь загадка: *Базха хүүни һанаан бамбагар юмэ тээшэ, хамаг хүүни һанаан хабтагар юмэ тээшэ* (Желания всех людей устремлены к пушистому и плоскому). Ее отгадка: «пушистый» — это соболь, а «плоский» — плиточный чай. Как известно, соболь — самый ценный зверек в Сибири, а чай — любимый напиток всех бурят. По всякому поводу, касающемуся хозяйства и быта, воспевались здесь все пять видов домашних животных (*табан хушуу мал*) — лошади, рогатый скот, овцы, козы и верблюды. Особенной любовью заслуженно пользуется лошадь. Буквально все ее качества и даже части тела, начиная с хвоста и кончая ушами, фигурируют в устном творчестве.

У тункинцев существует устное предание, согласно которому своим прародителем они считают некоего Хонгодора, вышедшего из Монголии. Предание гласит так: *Биди хайн хаани намаргаанда, Бушагтын буналгаанда Монголхоо гарша ерэнэн зон гэшэбдэ*. (Во времена неурядиц в царствование Сайин-нойон-хана и смут, поднятых Галдан Бушугту, мы прибыли сюда из Монголии). Таким образом, время выхода их из Монголии приурочивается ко второй половине XVII в.

Однако в данное время тункинскую долину населяют не одни только хонгодоровцы. По сообщениям знатоков старины, кроме хонгодоровцев, обитают здесь еще представители 12 родов. *Гойно, онход и таха* — выходцы из Монголии — сейчас в восьмом поколении. *Мандай* — прибыл из Янгажина, Иволгинского аймака, в шестом поколении, относится к кости *булагат*. *Зунгар* прибыл из местности Улекчин, Закаменского аймака, в восьмом поколении. *Хоршон* прибыл из Монголии, из местности «нугатын хүнды». *Тэртэ* прибыл из Монголии, в девятом поколении, потомки этого рода живут в Харибяхтах.

Залха — род эвенкийского происхождения; последний представитель этого рода в пятом поколении Даши Шабаганов жил в Харибяхтах. *Гоёд* (сойоты) — род тюркского происхождения. Сойоты небольшими группами от 5 до 10 семейств разбросаны по улусам Тункинського аймака. Основная их масса, около двух тысяч душ обоего пола, живет в Окинском аймаке. *Енгут* — пришельцы из Осинского района, Иркутской области. Они, по сообщению Дашеева Аюши, в количестве 16 дворов живут в колхозе им. XVII партсъезда, в местности Улябар. *Хурхүүд*, по преданию выходцев из этого рода, происходит от *тула загалан*, то есть «рыбы таймень». По словам знатоков старины из Эхирит-Булагата, хурхутцы относятся к булагатам, одной из ветвей Тугалука. До 1955 г. тункинские хурхутцы составляли один колхоз. *Чахар* — выходцы из южной Монголии, в восьмом поколении. В данное время из этого рода остался один старик Натар с дочерью.

Из перечисленных выше родов как по давности обитания на данной территории, так и по своей численности первое место бесспорно принадлежит хонгодоровцам. Так, представитель этого рода Будаев Лыксык Убугунович от своего прародителя Хонгодора до своих двух сыновей включительно перечислил 14 поколений. Если продолжительность одного поколения принять за 25—30 лет, то давность появления здесь этого рода исчисляется примерно в 300—350 лет, а других родов — от 100 до 200 лет.

Родословная Лыксыка Убугуновича Будаева: Хонгоодор — Ашхаэ — Хитад — Хилан — Сагаан — Моётоэ — Тармаэ — Мантуу — Маюурхан — Булад — Буда — Үбэгэн — Лэгсэг — Цэрэн и Ошор.

В конце XVIII в. вместе с ламаизмом в Тунку проникло монгольское вертикальное письмо. Но этим письмом пользовалась незначительная часть общества — нойоны и ламы. На развитие языка широких слоев населения оно оказало небольшое влияние. Поэтому не удивительно, что отсутствуют какие-либо письменные документы в виде литературных памятников, хроник, записей и т. п., характеризующие историческое развитие тункинского говора.

В своем описании говора автор опирался на собранные им в полевой обстановке материалы, использовал наблюдения над речью учащихся школ Бурятии и Монголии.

В бытность свою преподавателем бурятского и монгольского языков автору приходилось близко сталкиваться с представителями разных диалектов и говоров — с бурятами, халхасцами, дурбэтами,

чахарами, баргутами и т. д. Для проверки наблюдений, пополнения работы данными из других говоров использованы труды монголистов, касающиеся изучения тех или иных диалектов и говоров.

В настоящее время более или менее удовлетворительно исследованы хоринский, аларский, боханский, баргузинский, эхирит-булагатский, цонгольский говоры.

Имеются описания говоров нижнеудинских и агинских бурят, но они касаются лишь фонетической стороны языка. Говоря о бурятском языке и его диалектах, необходимо указать на работу акад. Б. Я. Владимирцова «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия» (Ленинград, 1929), в которой в сравнительном плане использованы данные по бурятскому языку. Также в изучении бурятского языка со стороны его фонетических явлений немалую роль сыграл труд ученого Г. И. Рамstedта «Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халха-ургинского говора» (СПб, 1908), послуживший образцом исследования диалектов для последующих лингвистов-монголоведов.

Обобщающими трудами в области бурятской диалектологии являются работы профессора Г. Д. Санжеева «Сравнительная грамматика монгольских языков» (т. 1. 1953), профессора Т. А. Бертагаева «Западно-бурятский диалект на материалах лексики» (диссертация на степень кандидата филологических наук, 1935), статьи Д. А. Алексева «Диалекты бурят-монгольского языка» (Ученые записки ЛГУ, № 98, 1949) и Ц. Б. Цыдендамбаева «О диалектальных различиях в разговорном бурятском языке» (Труды БКНИИ, вып. 3, 1960).

По последним монголоведным работам, бурятский язык делится на четыре основных диалекта: западный, восточный, южный и промежуточный¹.

Описываемый тункинский говор относится к прибайкальско-саянскому диалекту. Носителями этого диалекта, кроме тункинцев, являются еще баргузинские, байкало-кударинские, окинские и закаменские буряты.

Такое деление говоров бурятского языка основано на лингвистических данных. Прежние же исследователи (Руднев, Владимирцов) при классификации бурятских говоров и диалектов исходили из административно-территориальных признаков, что не соответствует действительному положению вещей.

Как известно, монгольское письмо в силу своей архаичности не могло служить организующим и объединяющим средством развития живого языка всех трудящихся слоев населения. В условиях дореволюционного периода каждый аймак замыкался на своей территории. Отдельные говоры, вместо сближения друг с другом, все более отдалялись друг от друга. Только Великая Октябрьская социалистическая революция открыла трудящимся Бурятии путь для свободного развития своего языка и литературы. Однако в силу наличия многих диалектов и говоров на путях оформления нового литературного языка встречаются серьезные трудности. Так, например, за сравнительно короткий период своего существования бурятский литературный язык трижды менял свою диалектную основу: в первый период за основу нового бурятского литературного языка был взят халха-монгольский разговорный язык (1930—1935), во второй — говор селенгинских, так называемых цакающих бурят (1935—

¹ См.: Ц. Б. Цыдендамбаев. О диалектальных различиях в разговорном бурятском языке. «Тр. БКНИИ», Вып. 3, Улан-Удэ, 1960, стр. 111.

1937) и, наконец, в настоящее время основой литературного языка служит хоринский диалект. Ряд говоров данного языка, ввиду неизученности их, не принимает должного участия в строительстве нового литературного языка. К таким говорам относится, в частности, тункинский говор бурятского языка, занимающий промежуточное положение между восточным и западным диалектами.

Сбор материалов по данному говору производился на местах: в первый раз — по командировке бывшего Бурят-Монгольского государственного института языка, литературы и истории с 1 августа по 15 сентября 1941 г. и в последний раз — в июле и августе 1954 года. Материалы собраны во всех крупных населенных пунктах аймака (в Торах, Хойморе, Кырене и Мондах) по следующим темам: исторические улигеры, сказания и легенды, сказки, загадки, пословицы и поговорки; рассказы колхозников о своем производстве; песни исторические и свадебные, песни новые, революционные; образцы разговорной речи и диалоги; материалы для бытового и общественно-политического словаря.

Материалы собраны от 24 граждан в возрасте от 15 до 82 лет. От следующих лиц собрано наибольшее количество материалов:

1. Алсыев Майсан — 60 лет, колхозник, знает старомонгольский язык.
2. Дашиев Аюша — 72 года, неграмотный, знаток родовых делений, сказитель улигеров.
3. Жертаков Николай — 70 лет, колхозник, неграмотный, сказитель улигеров и легенд.
4. Апонтева Анна — 55 лет, колхозница, неграмотная, сообщила свадебные песни.
5. Шагдурова Н. — 28 лет, малограмотная, сообщила песни.
6. Махеев Балдан — 40 лет, колхозник, малограмотный, кузнец, знаток родовых происхождений, сказитель улигеров.
7. Амбаев Д. — 15 лет, сообщил загадки, сказки, песни.
8. Дыльков Д. — 30 лет, учитель, сообщил песни, загадки, поговорки и пословицы и т. д.
9. Гергенов Хасабазар — знаток названий растений, зверей, птиц, терминов по скотоводству, сказитель улигеров.

ФОНЕТИКА

Гласные

Гласные фонемы по своей качественной характеристике и классификации в основном совпадают с гласными хоринского диалекта, легшего в основу литературного бурятского языка¹.

В тункинском говоре насчитывается 18 гласных фонем, которые подразделяются на: монофтонги краткие *a, o, y, ø, э, ү, и* и соответствующие им долгие гласные и дифтонги *аэ, оэ, уи* и *өи*; твердоядные *a, aa, аз, o, oo, оз, y, уу, уи* и мягкорядные *э, ээ, ү, үү, үи, ø, øø, нейтральные и, ии; лабиализованные ү, үү, үи; y, уу, уи; o, oo, оз; ø, øø и нелабиализованные a, aa, аз; э, ээ, эи; и, ии; узкие y, уу, уи; ү, үү, үи; и, ии* и широкие *a, aa, аз; o, oo, оз; э, ээ; ø, øø*.

Как видно из классификации гласных, в отличие от хоринского диалекта, в тункинском говоре краткий звук *ø* является самостоя-

¹ См.: И. Д. Бураев. Звуковой состав бурятского языка. Улан-Удэ, 1959, стр. 105–157.

тельной фонемой. Такого звука нет в русском языке. Его можно уподобить русскому *о*, произносимому этот звук с оттянутым назад языком и при округленном отверстии рта, причем губы немного вытягиваются вперед. Примеры на употребление звука *ө* в говоре тункинцев:

Т у н к. г о в ¹ .	Л и т. я з.	П е р е в о д
өдөр	үдэр	день
мөнгөн	мүнгэн	деньги
өбөл	үбэл	зима
өбөгөн	үбэгэн	старик
өлөн	үлэн	голодный
өбдөг	үбдэг	колени
өглөө	үглөө	утро
гөрөөһөн	гүрөөһэн	коза (дикая)
гөлгө	гүлгэн	щенок
өтөн	үтэн	червь мясной
дөшөн	дүшэн	сорок

Таким образом, в тункинском говоре мягкорядные гласные *ө* и *ү* (в отличие, например, от хоринского и агинского говоров) в большинстве случаев различаются довольно четко. Как известно, в письменном монгольском языке эти фонемы изображаются одним знаком.

В тункинском говоре, как и во всех других говорах бурятского языка, краткость и долгота гласных являются фонематическими. Немало слов отличаются по смыслу только долготой и краткостью гласных. Например, *хана* (стена), *хаана* (где, куда); *даха* (доха), *дааха* (суметь поднять); *дэрэ* (подушка), *дээрэ* (наверху); *ула* (подошва), *уула* (гора).

Вопрос о сверхдолгих гласных в тункинском говоре может быть поставлен разве лишь с той точки зрения, что в силу особо усиленной экспирации на первом слоге долгий гласный в этом положении произносится подчеркнуто, например: *тоолуулаад* (заставив подсчитать), *дуулаха* (петь).

К. М. Черемисовым было отмечено выпадение согласных *h* и *g* в интервокальной позиции и образование на этой основе долгих гласных. Нужно сказать, что такого явления в тункинском говоре мы не наблюдали. В самом деле, тунк. *годоһон* (унты) не совпадает в своем произношении с *годон* (камыс — шкура с лап животных). Также *бэшигээр муу* (грамотой слаб) отличается от *бэшиэр муу* (слаб в другом отношении).

В отличие, например, от хори-бурятского, долгий гласный мягкого ряда *ээ* в тункинском отличается от краткого *э* лишь в количественном отношении².

Дифтонги тункинского говора *аэ*, *оз*, *уи* и *үи* характеризуются тенденцией к монофтонгизации. Как в односложных, так и в много-

¹ В данной работе употреблены следующие сокращения названий языков, диалектов и говоров: лит. — литературный бурятский язык; халх.-монг. — халх-монгольский язык; монг.-письм. — старомонгольский письменный язык; зап. диал. — западный диалект бурятского языка; вост. диал. — восточный диалект; алар. гов. — аларский говор; тунк. гов. — тункинский говор.

² Для хори-бурятского соответствующий нормальный гласный *е* определяется как гласный среднего ряда, а долгий *ее* — как передний. См.: А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор. стр. 16.

Для халхаского наречия монгольского языка указанные фонемы определяются следующим образом: *е* — переднего края нелабнализированный открытый; несколько более задний, чем приближающийся к нему на слух русский звук *е*, например, в словах *ш ст*, *Бела*, *цен*. См.: Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, стр. 54.

сложных словах дифтонги, по нашему мнению, в определенном положении превращаются в обыкновенный долгий гласный и второй элемент как бы совершенно стирается, например, *аэл* (сосед), *даэн* (война), *далаэ* (море), *һазн* (хороший); *оэ* (лес), *оэмһон* (чулок), *ороз* (вершина), *һоэр* (глухарь); *уи* (печаль), *уилаха* (плакать), *гуилга* (подарок); *зүил* (род, сорт), *түимэр* (пожар), *түи* (обуза, несчастье).

Между тункинским говором и литературным языком наблюдается чередование следующих гласных:

э || ү или ү || э

бүлэхэ || бэлэхэ — сбивать (напр. масло)

эбдэрхэ || үндэрхэ — ломаться, разбиваться, рушиться

бүһэ || бэһэ — пояс, кушак

гэдэһэ || гүдэһэн — живот

мүшэн || мэшэн — звезда

э || и или и || э

хирээ || хэрээ — ворон

эримэг || эрэмэг — острый край чего-либо

бэри || бэрэ — невестка

О гармонии гласных. В тункинском говоре гармония гласных соблюдается сравнительно последовательно, что в некоторых говорах бурятского языка не всегда бывает.

Например, по поводу гармонии гласных в хоринском говоре А. Д. Руднев говорит: «Особенно разительно выступает неустойчивость гармонии гласных в окончании прилагательных. Я слышу ясно в безыскусственной речи на конце *е*, хотя бы в слове было заднего ряда: ахатээ... мортеэ и т. д.» (См.: А. Д. Руднев. Хори-бур. говор. Ч. 1, стр. 25).

Подобное «нарушение» гармонии гласных в дифтонгических окончаниях имеет место и в тункинском, например, в словах типа *нохоэ* (собака), *нохоэтоэ* (с собакой), *морин* (лошадь), *моритоэ* (с лошастью), а также в сложных словах, например, перед долгими *а* и *о*: *ябаабоэ* (не ходил), *хараабоэ* (не смотрел), *олообоэ* (не нашел) и т. д.

Однако, как указывает исследователь фонетического строя бурятского языка И. Д. Бураев, в данном случае Руднев был неправ, так как отождествлял фонетическое деление гласных на передние и задние артикуляционные ряды с фонематическим делением гласных на три ряда. А эти ряды далеко не совпадают между собой, ибо, например, гласные одного только переднего ряда могут относиться ко всем трем сингармоническим рядам¹.

Согласные

Согласные тункинского говора могут быть представлены в виде таблицы следующим образом (см. на 9 стр. табл. 1).

Х а р а к т е р и с т и к а с о г л а с н ы х

Фонема *ч* — переднеязычная глухая палатализованная аффриката; встречается сравнительно редко, главным образом, в речи старшего поколения и в улигерах, например: *эльчэ* (посланец; лит. *элшэ*), *ошчи* (идя; лит. *ошожо*), *бодчо* (думая; лит. *бодожо*). *Манда юнчи базккоэ* (у нас ничего нет).

Фонема *к* — губно-губной сильный смычный; встречается редко,

¹ См.: И. Д. Бураев. Указ. соч., стр. 14—15.

Таблица 1

По способу образования	По месту образования				
	губно-губные	переднеязычные	среднеязычные	заднеязычные	фарингальные
Шумные	аффрикаты		ч		
	смычные	п, б, пь, бь	т, д; ть,		(к) ¹ , г, гь
	проточные	(ф)	с, з, сь ш, ж		х(г), хь
Сонозные	боковые		л, ль		
	дрожашие		р, рь		
	носовые	м, мь	н, нь		нг

например, в таких словах, как *пантагар* (распухший), *паалан* (эмаль), *пампалаэ* (охотничья обувь).

Фонема *б* — губно-губной слабый смычный. В начале слова взрывной и отчетливо звонкий, например: *баабъгаэ* (медведь). В конце слова и в середине перед глухим согласным оглушается и трудно отличим от *п*, например: *хаб* || *хап* (тюлень), *хэб* || *хэп* (форма, модель), *харааб* || *хараап* (я видел). В интервокальном положении этот звук произносится при слабом мускульном напряжении, поэтому имеет щелевое проявление, например: *баабъгаэ* (медведь), *абааб* (я взял).

Фонема *т* — переднеязычный сильный смычный, например: *тэрэ* (телега), *хатар* (танец).

Фонема *д* — переднеязычный слабый смычный. В начале слова и между гласными отчетливо звонкий, например: *даха* (доха), *дуран* (желание), *хадаха* (жаты).

В конце слова и перед глухими согласными артикуляция *д* совершенно неотличима от артикуляции сильного смычного *т*, например: *һаад* || *һаат* (препятствие), *тэргэд* || *тэргэт* (телеги), *шаргад* || *шаргат* (сани), *хараад* || *хараат* (глядя), *адха* || *атха* (щебень, горсть). *Тэрэ өбгэн ангууша хүүн базгаат, оздо гаража, гөрөөһө аладаг базгаа* (Тот старик был охотником, ходил в лес и убивал коз).

Звук *к* — заднеязычный сильный смычный. Встречается только в середине слова перед согласными и в конце слова как глухой вариант фонемы *г*. В сочетании с гласными твердого ряда звучит как глубоко заднеязычный, например: *гаракка*, лит. *гаргаха* (заставить выходить); *торокко*, лит. *торгохо* (добыть зверя). В сочетании с гласными мягкого ряда *к* продвигнут вперед. Например: *дүүрэккэ*, лит. *дүүргэхэ* (выполнить, наполнить); *мэдэккээ*, лит. *мэдэхэгүй* (не знает). *Хадаһаа халиккуи, хара гөрөөһөнһөө аэккоэ, таһархаэ баатар (шоргоолжон)* (С горы не срывающийся, медведя не боящийся рваный богатырь (муравей)).

Фонема *г* — заднеязычный слабый смычный. В начале слова взрывной и отчетливо звонкий, причем при гласных твердого ряда более глубокий, при гласных же мягкого ряда продвигнут вперед, например: *гар* (рука), *гэр* (дом, юрта), *газар* (земля), *гэдэхэ* (таять), *гагса* (только один), *үгэ* (слово). В конце слова и в середине перед глухими соглас-

¹ В скобки заключены комбинаторные варианты фонем.

ными оглушается, напоминая по произношению звук *к*, например: *ябаг* || *ябак* (пусть пойдет), *сэсэг* || *сэсэк* (цветок), *агта* || *акта* (мерин). Между гласными реализуется как щелевой *г*, например: *бага* (маленький), *дэгээ* (крючок).

Звук *ф* — губно-губной проточный глухой, является лишь вариантом фонемы *б*, например: *абша* || *афша* (взяв), *автамаат* || *афтамаат* (автомат).

Фонема *с* — переднеязычный проточный глухой, на слух сходен с русским *с*, например: *сабсаха* (рубить, косить), *сана* (лыжи), *хагас* (половина). *Сереброогоор яахамнаэб, совезд мөнгөн довоольно* (Зачем нам серебро, советских денег ведь довольно).

Фонема *з* — переднеязычный проточный звонкий, в сочетании с гласными твердого ряда более задний, в сочетании с гласными мягкого ряда более передний, например: *зарга* (тяжба), *газаа* (на улице, вне чего-либо), *зүргэ* (тропинка, дорожка). *Монголшоо Галзуу намган гурбан хубуу дахуулжа ерээ* (Из Монголии женщина по имени Галзуу привела с собой трех сыновей). *Тохорюун зангаар хашихардаг, заахан бэтээ шубуун* (Небольшая птичка, кричит, как журавль).

Фонема *ш* — переднеязычный проточный глухой шепелявый, акустически почти совпадает с русским *ш*, например: *шабар* (глина), *шоно* (волк), *шэхэн* (ухо), *аша* (внук, внучка). *Нэгдоношидо орходоо бараг хөдөлжөө гараа* (По сравнению с прошлым годом неплохо поработали). *Нэжээд хиилэ тарья хубаагаабди, хошоодые хубааха юмаад лэ* (Мы распределили вместо двух только по одному кило зерна). *Нарьдагта ургадаг хоншоохон үнэртээ модон* (На Саянах растущее с приятным запахом дерево).

Фонема *ж* — переднеязычный проточный звонкий шепелявый, акустически почти совпадает с русским *ж*, например: *жорон* (шестьдесят), *нажар* (лето), *жирхи* || *жирси* (бурундук). *Жороо морлноэ жороолхо жороонь ерээд мөнгэнээ, ёноор ахаэн зугаалха зугаань зуугаад мөнгөнээ* (Стоимость иноходи иноходца — девяносто копеек, а стоимость песни уважаемого кавалера — один рубль).

Фонема *х* — заднеязычный проточный глухой. Характеризуется комбинаторными колебаниями, присущими и другим родственным говорам: в сочетании с гласными твердого ряда глубоко заднеязычный, при гласных же мягкого ряда продвинут, например: *хара* (черный), *хэрээ* (ворон), *баха* (лягушка), *бэхэ* (чернила), *хоро* (зло, яд), *хүрээ* (изгородь), *хура* (дождь).

Фонема *н* — фарингальный проточный глухой, встречается только перед гласными, например: *нара* (месяц), *наанаан* (мысль), *блна* (опять), *нонин* (интересно), *нэрээ* (острога), *бэнэ* (пояс), *нөрөг* (порода животных).

Фонема *л* — переднеязычный боковой звонкий, сходен с русским *л*, например: *олон* (много), *улуу* (бесшабашный, забулдыга), *бээлээ* (рукавицы), *өглөө* (утро), *үлүү* (лишний).

Фонема *р* — дрожащий переднеязычный звонкий, сходен с русским *р*; в начале слова не встречается, например: *нөхэр* (товарищ), *арбан* (десять), *хорин* (двадцать).

М — носовой губно-губной звонкий, сходен с русским *м*, например: *мандагар* (большой, здоровый), *морин* (лошадь), *мэргэн* (меткий), *хэрмэн* (белка). *Түлихэн галнаэ төмөн жэлдэ носог, төрөхэн гараамаэ төмөн жэл жаргаг* (Пусть разведенный (нами) огонь на долгие годы воспламенится, рожденное (нами) потомство навеки блаженствует).

Н — носовой переднеязычный звонкий, сходен с русским *н*, например: *нажар* (лето), *нохор* (собака), *нэрэ* (имя). В конце слов и в середине перед согласными встречается редко. *Эдээнэ дээжэ — уһан, эдээ дээжэ — модон* (самое нужное в пище — вода, самое необходимое из предметов — древесные изделия). *Хүүн хэрэг тээшээ, хэрмэн модон тээшээ* (Человек к делам своим стремится, а белка — в лес (свой)).

Фонема *нг* — заднеязычный смычный твердый, встречается в конце слова, а в середине — перед проточным глухим *х* и слабым смычным *г*, например: *ангханг* (первый), *сонгхо* (окно), *тангха* (кувшин), *анггаэ* (звериный), *дэлэнг* (вымя), *һолонгго* (радуга). Перед другими согласными в середине слова заднеязычный характер *нг* значительно ослабляется, например: *өндөр* (высокий), *андалдаан* (мена), *анзаһан* (соха), *тоншохо* (стучать).

Палатализация согласных. Большинство согласных тункинского говора бывает палатализованным как перед гласным *и*, так и перед другими гласными или согласными¹. Примеры.

П' — *п'ис-п'ис* (звук, издаваемый мелкой пташкой или мышкой), *п'ад* (резкий крик, издаваемый, например, маленьким ребенком), *п'ёохло* (свекла), *п'еэшэ* (печь).

Б' — *б'и* (я), *таб'ин* (пятьдесят), *таб'яа* (поставил, отпустил), *аб'яан* (звук), *таб'юур* (подставка), *һоб'ёо* (клык) (в лит. *һоёо*), *һэб'юур* (опахало, веер).

Т' — *т'ибг'һэн* (сарана), *т'иимэ* (такой, как), *ябатт'ёо* (уже пошел, ушел), *өгөтт'ёо* (уже дал, отдал), *т'ээд* (затем).

Д' — *абаабд'и* (мы взяли), *бид'и* (мы), *эд'юур* (посуда для кормления животных, перен. лишний рот — дармоед).

С' — *с'ии || х'ии* (сухой мелкоиздробленный навоз), *с'ёрхо || х'ёрхо* (наблюдательный).

Х' — *тах'яа* (курица), *х'ялгааһан || с'илгаан* (волос конского хвоста), *х'алар* (косоглазый), *х'ии* (см. выше), *х'ибэхэ* (жевать жвачку — о животных).

Л' — *дал'и* (крыло), *дол'ёохо* (лизать, облизывать), *нал'яа* (поколоти́л, побил), *нал'юур* (покаты́й — о местности), *эл'еэ* (коршун), *эл'юур* (утюг). Кроме этого, *л* перед шипящими и проточным *х* тоже палатализуется. Примеры: *өбөөл'жөн* (удод), *хөл'шөхө* (греться), *тал'хи* (ручная кожемялка).

Р' — *хар'и* (чужой род, и иди домой), *хар'яа* (пошел или ушел домой), *хор'ёо* (запретил), *хар'юу* (ответ), *бүр'еэ* (раковина). *Р* палатализуется также перед слогом *јэ*, например: *хурјэн* в м. лит. *хурьгэн* (зять), *бэрјэн* в м. лит. *бэргэн* (невестка), *эрјэнэг* в м. лит. *эргэнэг* (ворота в поскотине).

М' — *м'инаа* (кнут), *м'ахан* (мясо).

Н' — *н'имаан* (коза), *н'олмоһон* (плевок), *һон'ёор* (интересно, с интересом), *н'юуха* (прятать, скрывать), *н'еэхэ* (смеяться, открывать), *һон'ээр* (за ночь), *тэн'юун* (просторный).

Не смягчаются *ш, ж, з, г, һ, нг*.

Чередование согласных между литературным языком и тункинским говором:

х' || с' или *с' || х'*: *х'юруу — с'юруу* (иней), *х'ялгана — с'ялгана* (мятлик), *х'ирмаг — с'ярмаг* (мелкий снег, пороша), *һалх'ин — һалс'ин* (ветер), *бүдэх'и — бүдэс'и* (тусклый, мутный), *х'яра — с'яра* (гребень горы), *эрх'ин — эрс'ин* (верхняя колода двери), *бох'ёорхо —*

¹ Ср. Г. Д. Санжеев. Грамматика бурят-монгольского языка. М.—Л., 1941, стр. 20—21.

бос'ёорхо (неметь, цепенеть от холода); *үх'ибүүн — үс'ибүүн* (ребенок), *с'охилуур — с'яслууур* (мешалка для сбивания масла), *тамх'ин — тамс'ин* (табак), *х'иидхэхэ — с'иидхэхэ* (веять — о зерне), *х'яаг — с'яаг* (пырей), *арх'и — арс'и* (вино), *һах'юуһан — һас'юуһан* (талисман, гений-хранитель). *Орон дээрэһэнь түлс'ижэ унагаатът'ёо* (С кровати столкнул) (из сказки). *Дорос'инь улижа һууба, түүни дээрэс'и хүх'и-жэ наашиша һууна* (Сидящий внизу плачет, сидящий повыше радуется, поет). *Алтан үргөөнһөөнь нэгэ басаган гараад хэс'ирба* (Из золотого дворца вышла одна девушка и закричала, звала).

д' || г' или г' || д': долг'ёон — долд'ёон (волна), *галг'иха — галд'иха* (идти медленным шагом). *Тэнгэрын гурбан данд'инааб, эндэ, ёрэжэ наашиша базһаар хугалаккуи модо хугалаад, эндэ үлэишһымэб* (Я — одна из трех небесных красавиц {фей}, пришла сюда и, играя, сломала недозволенное дерево, отчего и осталась здесь).

ш || с или с || ш: хүсэтээ — хушэтээ (сильный), *сабшаха — сабсаха* (рубить, косить), *сабишуур — сабсуур* (зубило). *Сагаадаэ сабсаа, саанаа хаяа, хулганаэ худхаа, худагтаа хаяа* (Сагадай рубил, подальше бросал, мышка мешала, в колодец бросала — загадка).

с || һ или һ || с: һэбилхэ — сибэлхэ (остудить, охладить питье), *биһалаг — бисалаг* (вид сыра или брынзы). *Самандаа болог, сааха унаха бэлигэн болог* (Да будет саманда и умножится домашний скот — лошади и коровы).

м || б: нёлмоһон — нёлбоһон (плевок). *Нёлмоод нёлмоһоо эдижэ болохобоэ* (сплюнув, плевок свой обратно нельзя глотать, то есть нельзя отказываться от своих слов).

н || г: мэндэхэ — мэгдэхэ (торопиться), *аннаха — агнаха* (охотиться). *Мэндэһэн горхон далаэда хүрэдэгбээ* (Быстро текущий ручей до моря не доходит — поговорка).

х || г: хахалха — хагалха (пахать; расколоть). *Манаэ холхооз паараа тараактараар хагалдаг болоһоор үни болоо* (Наш колхоз давно ведет вспашку паров тракторами).

р || с: баэтар — баэсар, хүрэтэр — хүрэсэр. Эхээ өгөөһөн алтан табагта мөнөөш хүрэсэр хүрэнэбээб (До сего времени не могу дотянуться до золотого блюда, которое дала мне мать — загадка).

Об ударе ни и. Как известно, по вопросу об ударе ни в монгольском и бурятском языках монголоеды после некоторых разногласий пришли к единому мнению, что оно находится на первом слоге слова¹.

Трудность определения удара ни в названных языках заключается в особом характере их гласных, распадающихся с количественной стороны на нормальные и долгие, независимо от удара ни.

В этом отношении во взятом нами говоре, благодаря особенно подчеркнутому произношению первого слога слова, местонахождение удара ни не вызывает никакого сомнения: оно находится на первом слоге².

В силу этого, как показывают наблюдения, гласные непервых слогов, находясь между двумя согласными, совершенно редуцируются. Например: *яббал* в.м. *ябабал* (если пойдет или поедет), *таббал* в.м. *табибал* (если положит, поставит), *болхо* в.м. *болохо* (будет), *харха* в.м. *хараха* (смотреть).

¹ См.: А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. 77; Аларский говор, стр. 70—77.

² См.: Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 96—112. Наша точка зрения в данном случае не совпадает с мнением, высказанным К. М. Черемисовым.

От места ударения зависит, как нам кажется, образование двойных согласных *кк*, которые наблюдаются, главным образом, в много сложных словах. Так, например, лит. *мэдэхгүй* (не знает) в тункинском дало *мэдэккээ*, *ябахагүй* — *ябаккээ* (не пойдет), *шадахагүй* — *шадаккээ* (не сумеет), *үхэхэ* — *үккэ* (умрет). Сюда же следует отнести случаи сокращенного произношения слов типа *эньшаа* и *тиньшаа*; первое слово состоит из *энэ* (это) и *тушаа* (направление), второе — из *тэрэ* (тот) и *тушаа* (в указанном значении).

Имеются явления контракции, то есть отпадения начального слога, например: *нөөдөр* (сегодня) вм. *мүнөө өдөр* (сегодняшний день), *‘нөө’һөни* (этой ночью) вм. *мэнэе һөни* (сегодняшняя ночь).

Об аналогичных явлениях в монгольском языке Б. Я. Владимирцов говорит следующее: «Особо трактуются в отношении ударения слова, подвергающиеся ускоренному фонетическому развитию, происходящему в результате частого употребления, заношенности слов из-за того, что их произносят скороговоркой. В таких словах можно отметить ударение, которое падало не на первый, а на второй слог слова, в результате чего получилось исчезновение этого первого неударного слога. Халх. *цэциг алсан* (*эцэциг алсан* || монг. письм. *эсиге-үи алагсан* отцеубийца — ругательство)». Халх. *нээрэ* < *үнээрэ* || < монг. письм. *унегегийен* (поистине, действительно), халх. *тишаа* < *тушза* || < монг. ‘письм. *tusiya* (направление, связь); тунк. *эньшаа* < *энэ тушаа* (в этом направлении); *тиньшаа* < *тэрээн тушаа* (в том направлении), *нөөдөр* < *мүнөөдөр* вм. < *мүнөө өдөр* (сегодня).

МОРФОЛОГИЯ

Тункинский говор в области морфологии и лексики занимает промежуточное положение между восточным и западным диалектами, но более близок к последнему, т. е. к западному. Характерной особенностью говора является двойное употребление некоторых окончаний падежей, частиц и т. п.

Имена существительные

Как известно, некоторые монголисты отрицали наличие в монгольских языках существительных и прилагательных на том основании, что эти части речи по морфологическим формантам не отличаются друг от друга, например: *модон баэна* (дерево стоит) и *модон гэр* (деревянная юрта); *төмэр харгуи* (железная дорога) и *хатуу төмэр* (твердое железо)². Также имели место разногласия и в отношении других частей речи: наречий, частиц и служебных слов. Так, например, некоторые частицы рассматривались как наречия и наоборот. Служебные слова и частицы назывались «пустыми словами» — *һула үгэ*³.

Но в данное время подобные взгляды на части речи в бурятском языке получили иную оценку и определение. Так, Д. А. Алексеев в своей работе «Наречия в бурят-монгольском языке»⁴ находит, что деление существительного на предметное и качественное имена явля-

¹ Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 113.

² См.: А. Л. Бобровников. Грамматика монгольского языка, стр. 52;

³ См.: Г. Д. Санжеев. Грамматика бурят-монгольского языка. М.—Л. 1941, стр. 26—27.

⁴ См.: Д. А. Алексеев. Наречия в бурят-монгольском языке. Улан-Удэ, Бургосиздат, 1941.

ется несостоятельным. Автор названного труда предлагает при определении этих имен исходить не из внешнего, так сказать, облика, а из смыслового их содержания в контексте речи и из наличия у них показателей. Например, имена существительные отвечают на вопросы *хэн?* (кто?) и *юун?* (что?)¹. Имена прилагательные отвечают на вопрос *ямар?* (какой?). Например, в предложении *Модон ургажа баана (Дерево растет)* слово *модон* (дерево)—существительное, так как отвечает на вопрос *юун?* (что?). В предложении же *Модон гэр баригдаба* (Деревянная юрта выстроена) слово *модон* (деревянный) — прилагательное, отвечает на вопрос *ямар?* (какой?).

В тункинском говоре имена существительные выражают не только конкретные (по терминологии А. Бобровникова, «предметные» имена), реально ощутимые предметы — *гэр* (юрта), *морин* (лошадь), но и такие, которые представляют отвлеченные понятия. Например, *бодолго* (дума), *баздаг* (положение), *баяр* (радость) и т. д. В описываемом говоре, как и в других говорах бурятского языка, имеется целый ряд имен существительных и прилагательных, которые вне контекста формально не дифференцированы, например, имена, основа которых оканчивается на носовой *н*: *модон* (дерево), *шулуун* (камень), *хонин* (овца), *тоһон* (масло), *торгон* (шелк) и т. д. Сравни: *хонин хөнжөл* (одеяло из овечьей шкуры), но *хонин билшижэ ябана* (овца пасется); *тоһон шуудэр* (медовая роса), но *шара тоһон* (топленое масло); *торгон пулад* (шелковый платок), но *үнэтээ торгон* (дорогой шелк) и т. д. Данные имена выступают во фразах в первом случае, как прилагательные, во втором — как существительные. Такой же характер носит целый ряд других имен, но истинное значение их узнается в синтаксически оформленной фразе.

Значительная часть имен существительных в тункинском говоре образуется от глагольных основ. Приведем некоторые из них: а) имя деятеля, суффикс *-ааша*: *зурааша* (чертежник) от *зураха* (чертить); б) имена предмета действия, суффиксы *-г*, *-лга*, *-лан*: *зураг* (чертеж) от *зураха* (чертить); *хаалга* (ворота) от *хааха* (запирать); *сабшалан* (покос) от *сабшаха* (косить, рубить); в) имена процесса действия, суффикс *-мта*: *баримта* (довод, аргумент) от *бариха* (ловить, поймать); г) имена орудия действия, суффикс *-уур*: *хадхуур* (жало) от *хадхаха* (колоть).

Производные имена существительные от именных основ: а) имя деятеля, суффикс *-шан*: *малшан* (скотник) от *мал* (скот); *эмшэн* (лекарь) от *эм* (лекарство); *моришон* (коневод) от *морин* (конь); б) уменьшительные имена, суффикс *-хан*: *басагахан* (девчушка) от *басаган* (девчушка, девочка); в) собирательные имена, суффикс *-тан*, *-шууд*, *-шуул*: *абагатан* (дядины) от *абага* (дядя); *багашууд* или *багашуул* (малыши, дети) от *бага* (маленький, дитя); г) отвлеченные имена, суффикс *-нхи*: *ехэнхи* (большинство) от *ехэ* (большой); *олонхи* (большинство) от *олон* (много).

Обозначение родов в тункинском, как и в других говорах бурятского языка, отсутствует. Исключение представляет собою обозначение возраста и масти домашних животных соответственно полу. Примеры: *гунжан* (трехлетняя телка), *гунан* (трехлетний бык); *дөнжсөн* (четырёхлетняя корова), *дөнөн* (четырёхлетний бык). Суффикс *-гиан* используется только для обозначения масти женских особей домашних животных: *харагшан* (чернуха) — о корове или кобылице, *улаагшан* (краснуха) — о корове, *үлэгшэн* (волчица, собака-самка).

¹ См.: Д. А. Алексеев. Указ. соч., стр. 31—33.

Из единичных слов, обозначающих лица женского и мужского пола, можно отметить: *худагуй* (сватья), *худа* (сват).

Наконец, в ряде случаев в тункинском говоре основа, по сравнению с другими говорами, дополнительно усложняется. Так, от сказителей улигеров и сказок часто приходится слышать имена с суффиксом, по звуку гармонирующим с основой имени. Например, к общепринятой форме слова *зон* (народ) здесь нередко прибавляется формант *-хаэ*: *зонхоэ дээрээ хэлсэе* (при народе поговорим). Также: *Манаэ зан-хаэ иимэ ем* (наш обычай таков).

Эти показатели придают слову ласкательный, уважительный оттенок. В песенке ханши у колыбели своего внука, рожденного девицей, ушедшей от своих братьев-богатырей¹, два последних существительных каждой строчки оформлены показателем *-лаэ*:

Хартаганаан хаанаэ ашалаэ-бүүбээлээ,
Харза Минаагаэ таэжалаэ-бүүбээлээ;
Бульханаэ ахаэн зээлээ-бүүбээлээ,

Дитяtko-внучек хана Хартагананского,
Харза-Миная наследник-дитяtko;
Ребеночек-дитяtko младшей сестрицы
Бульханая,
Брага старшего Айдара внучек-дитяtko.

Аэдар ахаэн зээлээ-бүүбээлээ.

В данном случае формант *-лаэ* прибавлен к основам: *аша* (внук), *бүүбээ* (детка, ребенок), *таэжа* (наследник, царевич), *хүүхэн* (малютка, ребенок), *зээ* (племянник).

Также основы некоторых имен — названий животных и растений, — которые в литературном бурятском оканчиваются на *н*, в описываемом говоре часто имеют дифтонгическое окончание, например: *хулгана* — *хулганаэ* (мышь), *харгана* — *харганаэ* (кустарник), *долоогоно* — *долоогоноэ* (боярышник) и т. д.

Конечный *ы* основы литературного языка в тункинском говоре чаще произносится как дифтонг: *харгы* — *харгуи* (дорога), *дугы* — *дугуи* (мостик через канавку, речку), *зугы* — *зүгээ* (пчела), *үгы* — *үгээ*, *үбээ*, *бээ* (нет, не) и т. д.

Особенности склонения существительных

Сравнение показывает, что тункинскии говор имеет расхождения в падежных окончаниях. О некоторых особенностях имен в номинативе указано выше. Рассмотрим косвенные падежи.

1. Родительный падеж. В этом падеже имена, основа которых оканчивается на согласную, как правило, принимают звук *и*, например: *Энэ морины мээл абагты* (Снимите седло у этого коня). Сравните лит. *мориной*. *Баруун гари бээлээ* (правой руки рукавица). Сравните лит. *гарай*. *Мали бэлшээри* (выгон, пастбище скота). Сравните лит. *малай*.

Наряду с этим в данном падеже после названных основ, кроме окончания *и*, можно встретить и окончание *-ын* (как в монгольском языке). Например: *гэрын* (юрты), *жэлын* (года), *холхоозын* (колхоза).

Наконец, основы на *г* в родительном падеже принимают окончание *а*, *э*, *о*, причем конечный *г* основы переходит в *й*, например: *сэсэг* — *сэсэйэ* (цветок — цветка), лит. *сэсэгэй*; *засаг* — *засайа* (власть — власти), лит. *засагай*.

Основы, оканчивающиеся на краткую гласную, имеют окончания *-ын*, как и в лит., или *-аэн*, например: *аха* — *ахын* или *ахаэн* (брат — брата). Основа на краткий *и* всегда имеет окончание *-шин*: *хургуули* — *хургуулиин* (школа — школы).

¹ Из улигера «Аэдар аха»; рассказал Попов Дагба Дугарович (улус Хонто-гол).

Основы, оканчивающиеся на долгий гласный и принимающие окончание *-гай* (*-гэй*, *-гоэ*), характеризуются окончанием *-я* (*-е*), например: *буу* — *бууя* (ружье — ружья), лит. *буугай*; *бороо* — *борооё* (дождь — дождя), лит. *бороогоэ*.

Основы, оканчивающиеся на дифтонги и долгий *ии*, принимают, как и в литературном языке, окончание *н*: *нохоэ* — *нохоэн* (собака — собаки), *гахаэ* — *гахаэн* (свинья — свиньи), *хии* — *хиин* (воздух — воздуха).

2. Дательный падеж никакими особенностями не отличается.

3. Винительный падеж. В тункинском говоре винительный падеж очень часто выступает без присущих литературному языку окончаний *-ие*, *-иие*, *-гие*. В одних случаях выступает чистая основа, в других — к основе прибавляется лишь краткий гласный *-и*, например: *Би энэ хотьго абаад ябанам, энэни хоюундаа үрэе* (Я взял этот нож, давайте вместе поточим его). *Мини мори баряад ерэ* (Поймай мою лошадь и приведи сюда). *Унгээн сэсэгээр бүрхээсэн үргэн Тохоз нютагнаэ, үегын бидэни хүмүүжүүлсэн өндөһөн ёһоноэ сургуули* (Разнообразными цветами покрыта наша широкая родина Тохой. [Тохоз — изгиб, излуцина реки]. Нас, сверстников, просветившая национальная [наша] школа).

Значительно реже встречается в тункинском говоре оформленный винительный падеж, например: *Юэн ангы дээжые хуу суглуулха һанаатаэ базгаа* (Он хотел добыть первосортные экземпляры девяти видов пушных зверей).

4. В орудном падеже нет каких-либо отличий от литературного языка, если не считать того, что основы на дифтонги принимают окончание *-яар* (*-ээр*, *-ёор*): *харгуи* — *харгуияар* (дорога — дорогой); *зүгээ* — *зүгэээр* (пчела — пчелой); *нохоэ* — *нохоээор* (собака — собакой)¹.

5. Совместный и исходный падежи не имеют отличий от соответствующих падежей литературного языка.

Образцы склонения

Падежи	Тунк. гов.	Лит. яз.
Им.	основа	основа
Род.	хадын, хадаэн морини, мориноэ нөхери, нөхерыи бууя далаэн	хадын (горы) мориной (коня) нүхэрэй (товарища) буугай (ружья) далайн (моря)
Дат.	хадада мориндо бууда нөхөртө далаэда	хадада (горе) мориндо (коню) бууда (ружьё) нүхэртэ (товарищу) далайда (морю)
Вин.	хада мори нөхөр, нөхөри	хада, хадые (гору) мори, мориие (коня) нүхэрые (товарища)

¹ Иногда эти суффиксы заменяются суффиксами *-гаар* (*-гээр*, *-гоор*): *харгуйгаар*, *зүгээгээр*, т. е. как в литературном. В форме *хүүгээр*, *хүүнээр* выступает в орудном падеже основа *хуун* (человек).

	буу, бууя далаэ, далаэе	буу, бууе (ружье) далай, далаие (море)
Оруд.	хадаар морѳор нѳхѳрѳѳр буугаар	хадаар (горой) морѳор (конем) нүхэрѳѳр (товарищем) буугаар (ружьём)
Совм.	далазяар хадатаэ моритѳѳ, моритѳѳэ нѳхѳртѳѳэ буутаэ	далайгаар (морем) хадатай (с горой) моритѳѳ (с лошадыю) нүхѳртѳѳ (с товарищем) буутай (с ружьём)
Исх.	далаэтаэ хаданаа моринноо нѳхѳрнѳѳѳ буунаа далаэнаа	далайтай (с морем) хаданаа (с горы) моринноо (от коня) нүхѳрнѳѳѳ (от товарища) буунаа (от ружья) далайнаа (от моря).

Множественное число

В тункинском говоре множественное число образуется в основном от имен, обозначающих живые существа, реже — от неживых. Однако при числительном имена всегда употребляются в единственном числе, например: *табан хүүн* (пять человек), *арбан морин* (десять лошадей), *зуун сэнт'эр* (100 центнеров).

В употреблении суффиксов множественного числа здесь нет постоянства. Иногда имена одной и той же категории образуют множественное число по-разному. Все же преобладающим суффиксом множественности в говоре является *-д*, который присоединяется к основам, оканчивающимся на краткие и долгие гласные, на дифтонги и на *н*, *л* и *р*. Причем перед названным суффиксом эти согласные отпадают¹. Примеры: *хотьго* — *хотьгод* (нож — ножи), *аяга* — *аягад* (чашка — чашки), *бага* — *багад* (маленький — маленькие), *буруу* — *бурууд* (теленки [по второму году] — телята), *тахья* — *тахьяд* (курица — курицы), *теэбии* — *теэбийд* (бабушка — бабушки), *харгуй* — *харгуйд* (дорога — дороги), *бишлэхан* — *бишлэхад* (маленький — маленькие), *морин* — *морид* (лошадь — лошади), *тугал* — *тугад* (теленки [до одного года] — телята), *нѳхѳр* — *нѳхѳд* (товарищ — товарищи), *нохѳэ* — *нохѳд* (собака — собаки).

Нужно сказать, что приведенными формами не исчерпываются случаи образования множественного числа от основ данных типов. Например, наряду с *-д* могут употребляться и такие суффиксы, как *-нууд* и *-дууд*, например: *хэтээннууд* (ножи), *аягэннууд* (чашки), *баганнууд* (малыши), *тахяаннууд* (курицы), *мориднууд* (лошади), *нѳхѳдүүд* (товарищи) и т. д. В словах *нѳхѳдүүд* и *мориднууд* имеется двойной суффикс множественности — *-д* + *-нууд*.

Кроме названных суффиксов множественного числа, в говоре употребляется еще суффикс *-над* (*-нэд*), например: *аха* — *аханад* (старший — старшие), *дүү* — *дүүнэд* (младший — младшие), *багши* — *багшинад* и *багшид* (учитель — учителя), *эгэиэ* — *эгэиэнэд* и *эгэиэд* (сестра — сестры). А эти имена во всех восточных говорах во множествен-

¹ О преобладании суффикса множественного числа *д* в древнемонгольском указывает акад. С. А. Козин в статье «К вопросу о показателях множественности в монгольском». «Уч. зап. ЛГУ», стр. 123—132, Л., 1946.

ном числе принимают суффиксы *-нар* (*-нэр*): *аха* — *аханар* (брат—братья), *багша* — *багшанар* (учитель — учителя) и т. д. Тункинскому говору также неизвестна форма множественного числа второго лица личного местоимения *таанар*, употребляемая во всех восточных говорах. Вместо *таанар* употребляют *таа*, следовательно, здесь обращение к одному или многим лицам не дифференцировано, как и в других западных говорах.

Из суффиксов множественного числа, относящихся к человеку, наряду с *-д* можно встретить еще суффиксы *-шуул* и *-шууд*, которые образуют множественное число от основ, оканчивающихся па краткие и долгие гласные, например: *бага* — *багад* — *багашууд* — *багашуул* (маленький — маленькие), *залуу* — *залууд* — *залуушуул* — *залуушууд* (молодой — молодые).

Основы имен во множественном числе при склонении принимают те же падежные окончания, что и в единственном числе, например: *морид* — *моридоэ*, *моридто*, *мориди*, *моридоор* или *моридуудаар*, *моридоо* или *моридууднаа* (лошади — лошадей, лошадям и т. д.).

Имена прилагательные

Именами прилагательными называется, как известно, такая часть речи, которая обозначает качество или признак предмета и отвечает на вопрос, как отмечено выше, *ямар?* (какой?)

Прилагательные тункинського говора делятся на три основных группы: 1) качественные, 2) относительные и 3) притяжательные.

К качественным прилагательным относятся такие имена, которые показывают качество предмета, «непосредственно данное в природе предмета»¹. Например: *хазн морин* (хороший конь), *сагаан саархан* (белая бумага), *хара бэхэ* (черные чериила).

Относительные прилагательные образуются от названий «предметно-вещественных»² понятий в форме именительного падежа, например, *тэмөр харгы* (железная дорога, досл. железо-дорога), *халюун заха* (бобровый воротник, досл. бобер-воротник).

К третьей категории названных имен относятся такие прилагательные, которые «с одной стороны выражают принадлежность, а с другой — выступают в качестве прилагательных же»³, например: *анги архан* (звериная шкура или шкура зверя), *талын ногоон* (степная трава или трава степи), *шоньин мур* (волчий след или след волка).

И, наконец, имеются новые прилагательные, возникшие в результате заимствования из других языков. Причем, все эти новые прилагательные проникают в бурятский язык с сохранением своего лексико-морфологического строения, то есть со своими суффиксами. Подвергаются они изменению и закону гармонии гласных только во флексиях окончаний.

В рассматриваемом говоре прилагательные по своему образованию делятся на первообразные и производные. Последние образуются из других частей речи. Приведем некоторые, наиболее употребительные из них.

1. Ст существительных: а) с суффиксом *-рхуу*: *Залуу хүүн эдирхүү*, *гэлгө нохоэ шудархүү* (человек в молодости — лихач, а собака

¹ Д. А. Алексеев. Части речи в бурят-монгольском языке. «Зап. ГИ-ЯЛИ», V, VI, Улан-Удэ, 1941, стр. 177.

² Там же, стр. 184—185.

³ Там же, стр. 176.

шенком зубаста). *Залхуу хүүн заргархуу, захын модон гэшиүүрхүү* (ленивый человек — сутяга, крайнее дерево — то есть растущее на краю леса — суковато); б) с суффиксом *-таэ*: *Галхитаэ тэнгэри бороогүй, суутаэ хурим архигүй* (Ветреное небо — без дождя, прославляемая свадьба — без вина).

2. От числительных: суффиксы *-таэ* и *-тхи*: *Арбатаэ хубууниин агнадаг ем* (Десятилетний мальчик его ходит на охоту). *Гурбатьхин гоородто нурадаг* (Третий учится в городе).

3. От глаголов: а) с суффиксом *-уу*: *Һогтууда Эрхүү өбдөгсөө боз биш даа* (Ведь пьяному Иркут по колено). *Аха дүү хоёр ээмэ сасуу* (Два брата ростом одинаковы). Отгадка: боковые колоды дверей или окна; б) с суффиксом *-хаэ*: *Һандархаэ дэгэлээ хая, шэнэээ өмөд* (брось свою рваную шубу, надень новую); в) с суффиксом *-мар*: *шадмар дархан* (искусный кузнец, мастер), *оолгомор үхибүүн* (понятливый ребенок); г) с суффиксом *-мал*: *Хана хашиамал хүрээдэтнээ адуугаа тулган дүүргээбди, хабшамал модон хаэрсэгтатнээ алтаа тулган дүүргээбди* (Из плотных досок выстроенный ваш двор табуном нашим заполнили (мы). из крепкого дерева сделанный [ваш] ящик наполнили (мы) золотом. — Из свадебной песни).

4. От наречия: суффикс *-хи*: *Маргаашаһаа нөөдрээхи дээрэ* (от завтрашнего сегодняшнее лучше).

О степенях сравнения. Грамматической категории степеней сравнения в тункинском говоре нет. Сравнение выражается при помощи сочетания имен, с одной стороны, с суффиксом *-шаг* или *-бтар*, а с другой стороны — в форме исходного падежа. Примеры: *Мөнөө жилээ ургаса нёднөн жилхиһээ үлүүшээ баэха* (Нынешнего года урожаи от прошлогоднего побольше будет); *Тэрэ холхоозын газари хөрөөһөн манаэ холхоозын газари хөрөөһөнөө харабтар ымэ* (Почва земли того колхоза чернее почвы земли нашего колхоза).

Превосходность выражается описательно, посредством слов-усилителей, например: *Эгээ һазн морёо унаад ябанам* (Иа самой лучшей лошади еду верхом); *Бэрэ муу буугаар юу хэхэээ абахашиби!* (Совсем плохое ружье зачем берешь!); *Эгээ ехээн шэлэ!* (Самого большого выбери!).

Имя прилагательное — неизменяемая часть речи, ибо оно не склоняется и не согласуется с определяемым словом в лице и числе. Но они могут легко субстантивироваться и приобретать при этом грамматические признаки существительных. Субстантивированные прилагательные склоняются по всем падежам:

Им. *һазн* (хороший)

Род. *һазни* (хорошего)

Дат. *һазнда* (хорошему)

Вин. *һазни* (хорошего, хороший)

Оруд. *һазнаар* (хорошим)

Совм. *һазнтаэ* (с хорошим)

Исх. *һазнһаа* (от хорошего).

Прилагательные в тункинском говоре не согласуются с определяемым словом в числе. Нами зафиксирован лишь один случай такого согласования: *тарганууд хонид* (жирные овцы), тогда как в говоре хоринских и агинских бурят оформление прилагательных во множественном числе встречается довольно часто: *һазнууд үдэрнүүд* (погожие дни), *шэнэнүүд гэрнүүд* (новые юрты).

В предложении прилагательные выполняют функцию определения и сказуемого. Примеры: *ехэрхүү зантаэ хүүн* (с высокомерным характером человек или высокомерный человек). *Тугаархи нөхөр-*

тнаэ хаанахиб? (Давешний товарищ ваш откуда?); Орхи энэ хагархаэ дэгэлээ (Оставь эту рваную шубу). Талан сагаан, хонидан хара—бэишэ (белая степь, черные овцы—письмо). Хотонин уитхан, хусан мөргөдөг—ороод нюдэхэ (Хлев его тесен, баран его бодливый—в ступе тольч зерно).

Имена прилагательные широко употребляются в речи тункинцев, о чем свидетельствуют приводимые ниже фразеологические образцы из наших материалов:

Хотон соо жалжагаэ гутал—хусаэн эбэр (в хлеве стоптанные унты [бараний рог]). Шара торгон самсатаэ, шандаган сагаан гуятаэ—хамархани эдээн (В желтой шелковой рубашке, с белым, как заяц, бедром [зерно кедрового ореха]). Хүитэн халуун хоэри хоорондо хөхө саархан—шагаабари гэрэл (Между холодом и теплом—синяя бумага [оконное стекло]). Адуунаэ мяхан амтабээ болобо, ангаэ мяхан хануулба (Конское мясо стало безвкусным, звериное мясо хочется покусать). Ороэгуи модондо үбсүүгуи шубуун нуугаад, гаргуи хүүн буудаа, амагуи эдээ—тугэсэг дээрэ нууһан саһан халхани буухада унаа (На дереве без верхушки села птичка без груди, ее стерлял безрукий человек, съел безротый [снег на пне, сдуваемый ветром]). Хуһан хүрээ соо хула морин—шүдэн, хэлин (в березовой изгороди савресый конь [зубы, язык]). Ийбиин оёһон эльгэн сонды энэ үзэбэб—шэхэн (Сшитый матерью замшевый кошелек не вижу [уха]).

—Тосхон, тосхон хаанаһаа ерээбиш? —Тоһотын голһоо ерээб. —Тоһон юундэ нялдаабээб? —Маназ занхаэ имэ. —Лама ерээб, лама ерээб, үүдээ незгыш! (хонины хоргооһон). (—Тосхон, тосхон¹, откуда прибыл? —Из масляной долины прибыл. —Почему же не прилипло к тебе масло? —Такова природа наша. —Лама идет, лама идет, открывай двери! Отгадка: овечий помёт.)

В рассматриваемом говоре широко употребляются также новые прилагательные, вошедшие в язык в связи с социалистической перестройкой быта: һаэн эхэнэр болбол нууһан гэрын сэбэр, хүлтүүгүнэ, бариһан эдээһин амтатаэ баэдаг (У хорошей (аккуратной) женщины юрта, в которой она живет, чистая, обстановка культурная, приготовленная ею пища всегда вкусная); Маназ орондо социалистическэ баэдал хүгжэжэ баһна (В нашей стране социалистическая жизнь процветает).

Местоимения

В тункинском говоре местоимения не имеют каких-либо существенных расхождений с литературным языком. Личные местоимения, как и в других говорах, в косвенных падежах меняют свои основы. В говоре лишь не встречаются имеющиеся в хоринском и других восточных говорах местоимения 1-го лица множественного числа бидэнэр, бидэнэд, маанар и маанад (мы). Некоторые падежные формы имеют иную чем в литературном языке огласовку, что является общей чертой для всех склоняемых имен. Например: вин. п. имеет формы: мани — лит. манишэ (нас); тани — лит. танише (вас), тэрээни — лит. тэрээнише (его), тэдээни — лит. тэдээнише (их). Местоимение 1-го лица множественного числа имеет палатализованное д: биди вм. лит. бидэ (мы).

Из вопросительных местоимений употребляются: хэн (кто), юун (что), хэнээ (чей), хэд (кто), юуд (что), али (который), ямар (какой), хэдэтхи или хэдытхи (который — по порядку), юунэй (чего).

Частицами личного притяжания 1-го лица единственного числа

¹ Тосхон — ласкательное слово (непереводимо).

являются *-м*, *-мни* (после гласных) и *-ни* (после согласных): *аха* (брат) — *ахам* — *ахамни* (мой брат), *гар* (рука) — *гарни* (моя рука). Для 1-го лица множественного числа *-мнаэ* (после гласных) и *-наэ* (после согласных): *ахамнаэ* (наш старший брат), *гарнаэ* (наша рука).

Для 2-го лица единственного числа *-ш*, *-шини* (после гласных и согласных тоже): *ахаш* — *ахашини* (твой старший брат), *гарш* — *гаршини* (твоя рука). Для 2-го лица множественного числа *-тнаэ*: *ахатнаэ* (ваш старший брат), *гартнаэ* (ваша рука).

Для 3-го лица единственного и множественного числа частицей личного притяжания является *-н* или *-нь*, например: *ахан* — *ахань* (его брат, их брат), *гэрн* — *гэрнь* (его юрта, их юрта).

Особенностью тункинского говора является то, что частицы возвратного (безличного) притяжания в родительном падеже единственного и множественного числа, как и в винительном падеже, непосредственно присоединяются к основе слова. Но в отличие от винительного падежа, неустойчивый *н* основы сохраняется. Примеры:

Род. п. *ахая* (своего брата), *бууя* — *буугаа* (своего ружья), *морноо* (своего коня), *ангаа* (своего зверя), *нохозёо* (своей собаки).

Вин. п. *ахая* (своего брата), *бууя* — *буугаа* (своего ружья), *морёо* (своего коня), *ангаа* (своего зверя), *ноходо* (свою собаку).

В совместном и иногда в орудном падежах дифтонгоиды *аэ*, *оэ* и долгий *ээ* перед частицей притяжания переходят в соответствующие краткие. Причем, в качестве соединительного согласного выступает среднеязычный *й* вместо литературного *г*. Примеры: оруд. п. *нохойоо-роо* — *нохозгоороо*; совм. п. *нохозтоёо* (со своей собакой), *моритоёо* (со своим конем).

Числительные

Количественные числительные тункинского говора, в отличие от литературного языка, при счете произносятся с конечным неустойчивым *н*: *нэгэн*, *хоёр*, *гурбан*, *д рбэн*, *табан*, *жоргоон*, *долоон*, *наэман* и т. п. Вместе с тем, те же числительные, употребляясь в функции обстоятельства, теряют конечный *н*: *дөрбө тоэроод ерээ* (Четыре раза обошел). *Гурба дахин дуудааб* (Три раза прочитал). В функции определения количественные числительные, так же как и в литературном языке, всегда употребляются с конечным *н*: *арбан хүүн* (десять человек), *долоон алха* (семь шагов), *хорин гаа* (двадцать га).

Порядковые числительные образуются при помощи суффикса *-тха* (*-тхи*). Примеры: *нэгэтхи* (первый), *гурбатхи* (третий), *хоёртхи* (второй), *дөрбэтхи* (четвертый). Собирательные числительные образуются при помощи суффикса *-уулан* (*-үүлэн*). Примеры: *хоюулан* (вдвоем), *дөрбүүлэн* (вчетвером), *гурбуулан* (втроем), *табуулан* (впятером).

Распределительные числительные образуются посредством суффикса *-аад* (*-ээд*, *-оод*). Примеры: *нэгээд* (по одному), *хошоод* (по два), *гурбаад* (по три). Суффикс *-аад* иногда при переводе может означать не «по», а *на*, например: *арбаад хүнээ эдээ бэлдэ* (на десять человек приготовить еду).

При помощи суффикса *-та* (*-тэ*, *-то*) образуются множительные числительные, например: *нэгэтэ* (однажды, один раз), *хоёрто* (дважды, два раза), *гурбата* (трижды, три раза) и т. д.

Количественное числительное *нэгэн* (один) иногда употребляется в значении местоимения *некто*, *некий* или со значением *примерно*, *приблизительно*, например: *нэгэ хэды болоод таряаяа хадахабчи* (через некоторое время хлеб будем жать); *Би нэгэ Загтын Үлэксээ гэжэ хүүнтээ ябааб* (Я с неким Алексеем Зактуйским ходил); *Урда нэгэ*

арбаад малтаэ нуунимаб (Раньше примерно десять голов скота имел).

К числительному примыкают следующие прилагательные (по своему значению): *хагад* | *хахад*; *өрөөлө* || *өрөөһөн* (половина), *шээт-бэртэ* (четверть, четвертая часть), *пошмууха* (восьмуха, восьмая часть).

Количественные числительные в тункинском говоре нередко употребляются в роли соединительного союза *и*, например: *Дамба Доржо хоёр агнахаяа гараа* (Дамба и Доржи пошли на охоту), *Дулма Гарма Дондок гурбан өбһө сабсаа* (Дулма, Гарма и Дондок траву косили)¹.

Наконец, количественные числительные могут принимать уменьшительный суффикс *-хан* (*-хэн*, *-хон*), который придает ограничительное значение (только, только лишь), например: *нэгэхэн* (только один), *хоёрхон* (только два), *гурбахан* (только лишь три). Когда хотят подчеркнуть ничтожность единицы, говорят также *ганса* или *гансахан*, или *ори ганса* (только одип-одинешенек)².

Отдельно взятые числительные склоняются по образцу имен существительных, например:

- Им. табан (пять),
- Род. табани (пяти),
- Дат.-мест. табанда (пяти),
- Вин. таба, табы (пять),
- Оруд. табаар, табанаар (пятью),
- Совм. табата, табантаэ (с пятью),
- Исх. табанһаа (от или из пяти).

Глагол

Система глагольных форм в рассматриваемом говоре, как и в других говорах бурятского языка, довольно сложна. Наряду с большим количеством разнообразных синтетических или простых форм имеется не меньшее количество аналитических форм, причем очень часто можно наблюдать переход аналитических конструкций в синтетические.

Многие глагольные основы образуются от имен:

1. С суффиксом *-ла* (*-лэ*, *-ло*, *-лө*): *таряала* (посеять) от *таряан* (зерно); *холишорло* (шутить) от *холишор* (шутка); *хүрээлэ* (загородить) от *хүрээ* (изгородь).

2. С суффиксом *-да* (*-дэ*, *-дө*): *бууда* (стрелять) от *буу* (ружье); *хюрөөдэ* || *сюрөөдэ* (пилить) от *хюрөө* || *сюрөө* (пила).

3. С суффиксом *-та* (*-тэ*, *-то*, *-тө*): *гарзата* (растрачиваться, терпеть убыток) от *гарза* (расход); *гэмтэ* (провиниться) от *гэм* (вина); *дөлөтө* (пламенеть) от *дөлөн* (пламя).

4. С суффиксом *-дха* (*-дхэ*, *-дхө*): *шангадха* (крепить) от *шанга* (крепкий); *ехэдхэ* (увеличить) от *ехэ* (большой).

5. С суффиксом *-шаа* (*-шээ*, *-шоо*, *-шөө*): *найшаа* (одобрять) от *һайн* (хороший); *зөбишөө* (признать правильным) от *зэб* (правильно).

6. С суффиксом *-рха* (*-рхэ*, *-рхө*): *атаарха* (соревноваться³) от *атаан* (зависть); *хүшэрхэ* (хвастать силой) от *хүшэн* (сила); *ёһорхо* (чваниться своим положением) от *ёһо* (положение).

¹ А. Д. Руднев отмечает, что в хори-бурятском говоре слово *хоёр* (два) может употребляться для соединения двойных слов, например, *эжин хүйхэр хоёртоо* (своему хозяину-молодцу), т. е. одному лицу! См.: А. Д. Руднев. Указ. соч., 91. В наших материалах подобных примеров не встречалось.

² В Баргузине говорят *ёдон ганса*, что дословно означает *одинокое торчащий*. Ср. А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. 90.

³ С оттенком зависти.

Образование залоговых и видовых форм глагола от глагольных же основ не характеризуется какими-либо особенностями.

Повелительно-желательные формы. Пропозитивная форма первого лица образуется посредством суффикса *-һуу* (употребляется обычно с лично-предикативной частицей): *хараһууб* (посмотрю), *хараһуубди* (посмотрим).

Повелительно-пригласительная форма первого лица множественного числа образуется посредством суффикса *-ји, -жэ, -ја*, например: *һууји* или *һууја* (сядем), *ябаји* или *ябаја* (пойдем).

Повелительная форма второго лица единственного числа, не имея специальных показателей, совпадает в фонетическом отношении с основой глагола. Примеры: *хара-* (смотри), *хэ-* (делай), *тооло-* (считай).

Суффиксом повелительной формы второго лица множественного числа является *-ты*, например: *һууты* (садитесь), *абагы* (возьмите), *бодогты* (вставайте). Этот суффикс, в зависимости от контекста, в котором он фигурирует, может иметь грубое, приказательное значение, например: *Эндэһэ саашаа бологты* (Уходите прочь отсюда).

Для выражения различных оттенков обращения (вежливости, просьбы, настойчивости и т. п.) повелительная форма второго лица часто сопровождается частицами *-лаа* и *даа*: *һуулаа* (садись-ка), *тата-лаа* (покури-ка), *ябыт даа* (идите же) или (что же, идите).

Суффикс *-аараэ* выражает обращение ко второму лицу с пожеланием, просьбой совершить действие в будущем, например: *манайда ябаараэ* (приходите к нам, захаживай к нам). Эти же суффиксы могут употребляться и с предикативными частицами в обоих числах, например: *ябаараэши* (пойдешь), *ябаараэт* (пойдете).

Обращение к третьему лицу передается посредством суффикса *э* и выражает позволение или приказание, например: *баэг* (пусть останется), *һууг* (пусть сидит), *хараг* (пусть смотрит). Если к данной форме присоединить частицы *лэ* и *даа*, то она выражает уже не приказание, а пожелание или просьбу, например: *баэг лэ даа* (да пусть останется), *һууг лэ даа* (ну пусть сидит).

Причастия. Причастие настоящего времени делится на однократное и многократное. Суффиксы однократного причастия: *-ааша, -гша*¹. Примеры: *ябааша* (идуший), *уугааша* (пьющий), *мэдээшэ* (знающий), *харагша* (видящий), *хэлэгшэ* (говорящий), *тоологшо* (считающий). *Таабазтаэ ябагша хүүн тэрэ баэна* (вот тот самый человек, который шел с дедушкой); *Һазн буудааша ангуушые ологты* (найдите хорошо стреляющего охотника).

Настоящее многократное. Суффикс *-даг (-дэг, -дог)*. Примеры: *ябадаг* (идуший, имеющий обыкновение идти), *харадаг* (имеющий обыкновение видеть). *Доржо ошхоолдо һурадаг* (Доржи учится в школе). *Сэдэн холхозын мал харадагыма* (Сэдэн колхозный скот пасет); *Ши ороз унтадаг, эртэ бододог хүүнли* (Ты поздно ложишься спать, рано встаешь).

Причастие прошедшего времени. Суффикс *-һан (-һэн, -һон)*. Примеры: *эбэдэһэн хүүн* (болевший человек), *хараһан* (смотревший), *ябаһан газар* (место, где бывал). *Шархатһан гөрөөһө барижа абаа* (раненую козу поймал); *Баабазмни намда хараһан, дуу-*

¹ Суффиксы *-ааша, -гша* иногда могут употребляться для выражения значения многократного причастия. А. Д. Руднев без оговорки причисляет их к однократным (Указ. соч. §§ 165).

лаһанаа хэлээ (Отец мой рассказал мне о виденном и слышанном); *Нөхөрээ бэшэһэн бишиг энэ бээнэ* (Вот письмо, написанное товарищем)

Форма, имеющая значение причастия будущего времени. Суффикс *-ха* (*-хэ*, *-хо*). Например: *хараха* (посмотрит), *ябах* (пойдет).

Деепричастные формы. Деепричастие соединительное. Суффиксы *-жа* (*-жэ*, *-жо*), *-ша* (*-шэ*, *-шо*): *хаража* (смотря), *хэлэжэ* (говоря), *ошожо* (идя).

Деепричастие разделительное. Суффикс *-аад*, (*-ээд*, *-өөд*). Примеры: *хараад* (посмотревши), *хэлээд* (сказавши), *ороод* (вошедши).

Деепричастие предельное. Суффикс *-сар* (*-сэр*, *-сор*). Примеры: *харасар* (пока не увидит), *хэлэсэр* (пока не скажет). Обычно форма эта принимает соответствующие личные или безличные притяжания.

Деепричастие предварительное. Суффикс *-мсар* (*-мсэр*, *-мсор*). Примеры: *харамсар* (как только увидел), *хэлэмсэр* (как только сказал), *ошомсор* (как только пошел). Форма эта тоже принимает соответствующие личные притяжательные частицы.

Деепричастие цели. Суффиксы *-хаяа* (*-хэээ*, *-хоёо*). Примеры: *харахаяа* (чтобы посмотреть), *хэлэхэээ* (чтобы сказать), *ошохоёо* (чтобы пойти, поехать).

Деепричастие продолжительное. Суффикс *-һаар* (*-һээр*, *-һоор*, *-һөөр*). Примеры: *хараһаар* (с тех пор как увидел), *хэлэхээр* (с тех пор как сказал), *ошоһоор* (с тех пор как пошел).

В тункинском говоре вспомогательные глаголы употребляются довольно часто и сочетание их с главным глаголом характеризуется иногда полным слиянием в одно слово. Так, например, в тункинском говоре чаще чем в других говорах наблюдается сращение формы соединительного деепричастия знаменательного глагола с вспомогательным глаголом *баэ-* (быть), например: *харъжаэна* (смотрит), *ябъжаэна* (ходит). Приведем другие случаи сращения слов:

1. *Ябжабсарн* в.м. *ябажа ябатарнь* (когда проходил...) Здесь мы имеем *ябажа* — соединительное деепричастие от глагола *ябах* (ходить), *ябасар!* — совместное деепричастие от того же глагола и *н* — окончание личного притяжания третьего лица. Таким образом, в данном слове слились три грамматических формы.

2. *Хэтээ сахитъмба* (высек огонь огнивом в.м. *сахижа орхибо*): *сахижа* — соединительное деепричастие от *сахиха* (высекать огонь огнивом), *орхибо* — вспомогательный глагол. В данном случае произошло сращение формы соединительного деепричастия с основой вспомогательного глагола *орхи-* (бросать), что дало специальную видовую форму с показателем *-тъ*.

Наречие

В тункинском говоре встречаются наречия, которые по их роли можно разделить на следующие разряды:

1. Коренные наречия¹. Примеры: *иньшаа шэхэ ябааб* (В этом направлении я пошел прямо). *Архэ гэжэ шмаэ таняаб* (Едва тебя узнал). *Бэрхэ хэлээш* (Хорошо ты сказал).

2. Производные. Примеры: *Холхоознаэ газараа һаэнаар*

¹ Классификацию даем по Д. А. Алексееву. См. его работу: «Наречие в бурят-монгольском языке», Улан-Удэ, 1941, стр. 66—67.

хагална (Наш колхоз землю (свою) хорошо пашет). *Маргааша эртээр бодоход* (Завтра рано встану).

3. Наречия-повторы. Примеры: *Шанга шангаар хашхарааб* (Громко-громко (несколько раз) кричал я). *Дэмы дэмы бэ хэлэ* (Невпопад, без толку не говори). *Мэнэ мэнэ хура орохоё баэна* (Вот-вот дождь пойдет).

4. Наречия редупликаты. Примеры: *Шиб шэхэ хара, хажуу тээшээ бэ хара* (Прямо-прямо смотри, в сторону не смотри). *Гэб гэнтэ харатьбыаб* (Вдруг я увидел). *Хоб хооһоор сшоо* (Совершенно пустым пошел). *Хэээшые мартаккээб* (Никогда не забуду).

5. Парные наречия. Примеры: *Иишээ тишээ хараашалжа баэгааб* (Туда-сюда посматривал я). *Бага сага хараад гээд хаяаб* (немного поругал и оставил я). *Аб-таб баэса хэгты* (Как следует делайте свою работу). *Энэ тэрэ юумэ хэлээд гараа* (То-се сказал и ушел).

6. Наречия внезапного действия. Примеры: *Нохсэмни бүрэс гээд үгээ болшобо* (Собака (моя), промелькнув, скрылась). *Залд гээд нэрэшээбэлби* (Внезапно вздрогнул и пробудился я).

7. Идиоматические наречия. Примеры: *Гол таһа архи уухая болёоб* (совершенно бросил пить вино). *Хуха нуга бэ хэлэ* (Не говори оскорбительные слова). *Ото таһа мартатьтеоб!* (Совершенно забыл!) *Ажа-түжэ боложо һууба* (Спокойно, счастливо зажили).

8. Наречия-усилители. Примеры: *Содбонтон тээ тэндэ аяар урда һуудаг* (Содбовские вот там, далеко на юге живут). *Аэмагнаа ерэнэн нөхөр гээг бэрхээр доклад хэлэнэ* (Прибывший из аймака товарищ лучше других делает доклад). *Мөнөө нажар эндэмнээ тон халуун баэгаа даа* (В это лето у нас здесь очень жарко было).

Из собранных материалов к категории наречия в тункинском говоре можно отнести слова, которые обозначают представления о качествах действия (*Колхоознаэ газараа һазнаар хагална* — Наш колхоз хорошо пашет свою землю) и отношения, мыслимые не атрибутивно, а обстоятельством (*Иньшаа шэхэ ябба* — В этом направлении прямо пошел или поехал).

Такие слова как *эндэ* (здесь), *тэндэ* (там), *энээгүүр* (по эту сторону) и т. д. исторически представляют собою местоимения в дательном падеже, но они «застыли» в этой падежной форме и превратились в наречия. Эти и подобные им наречия соотносительны с другими частями речи: а) с существительными: *өдөр* (день) и *ёдөрөөр хёдөлхө* (работать поденно); б) с прилагательными: *түргэн* (быстрый) и *түргэн гүихэ* (быстро бегать); в) с числительными: *нэгэн* (один) и *нэгэтэ* (однажды); г) с глагольными формами: *тоэрохо* (кружить) и *тоэрон* (около, вокруг). Функциональные значения наречий в бурятском языке, выявленные Д. А. Алексеевым в названной выше работе, за исключением некоторых положений, применимы и к наречиям тункинского говора.

Частицы

В тункинском говоре бытуют все те частицы, которые имеются в литературном бурятском языке и в родственных говорах. Особенность употребления их здесь заключается в следующем.

1. В качестве вопросительных частиц наряду с *гүү*, употребляется частица *ий*, например: *Бата гэртээ гүү (гэртээ ий)?* (Бато дома ли?)

2. Частица *хаяа*, кроме значения вопроса, часто употребляется в значении подтверждения. Она встречается, главным образом, в речи старшего поколения. Например: *Буугынь абаад, бургааһа луу¹ јабба*

¹ Не *бургааһа руу*, а *бургааһа луу*.

хаяя (Взяв его ружье, пошел в кусты). *Барилсаад абба хаяя* (Схватившись вступают в борьбу).

3. Из частиц отрицания употребляют параллельно: *үгээ* || *үбээ* (нет), *үли* || *эһэ* (не), *бэ* || *бү* (не). Примеры: *Гал үгээ (үбээ)* (огня нет). *Бэ (бү) хара* (не смотри). *Үли (эһэ) мэдэбэ* (не знал).

4. Специфическими частицами подтверждения, присущими, главным образом, данному говору, являются частицы *биши*, *боо би* *даа*. Примеры: *газаа дулаарба биши* (На улице потеплело же). *Ибишиниинь үхэшэһэн боо би даа* (Мать его умерла же ведь).

5. Кроме утвердительных частиц *һэн*, *юм*, *даа* и т. п., в тункинском говоре бытуют еще: *гээ* и *газ*, которые употребляются после имен и глаголов. Примеры: *Адхатээ змхэр алхад гардаг жэрээ бэрлог гээ* (По каменистой дорге шагающий серый инхэдэц [есть]); *Шии гэртээ баз, бишини газ гоород ошоод ерэһүүб* (Ты дома оставайся, а я-то [твой] в город съезжу).

Послелог

Как известно, в бурятском языке послелог выполняет роль, схожую с ролью предлогов в русском языке. Послелог отличается от наречий своей несамостоятельностью: они выступают лишь как средство выражения различных грамматических отношений между членами предложения.

К послелогам в говоре тункинских бурят можно отнести такие слова, как *соо* (в, среди), *зангаар*, *бэтэ*, *шинги* (подобно, словно, как), *тухаз* (ради, для; о). Приведем примеры употребления названных послелогов:

1. *Зуун сагаан хонин соо зуудаг хара бабанаэ* (В стаде сотни белых овец—один кусающийся черный козел). Отгадка: *хадуур* (серп). *Ехэ гэр соо бага гэр, бага гэр соо балшар басаган (гутал, оймһон, хүл)* (В большой юрте маленькая юрта, а в маленькой юрте — маленькая девочка. — Унты, чулок, нога).

2. *Орхоодээн өндөһөн хүүн зангаар гартээ, хөлтээ баздаг ем, малтаад гаргахата хүүн зангаар дуугархыма* (Корни орхоя (женишения), подобно человеку, имеет руки и ноги, когда выкопашешь, подобно человеку, издают звуки).

3. *Баруугаараа һур бэтэ хара хөбүү зэргэлүүлээрээ, зүүгээрээ һухаз бэтэ улаан бэрээнүүди зэргэлүүлээрээ* (По правой части (юрты), как ремень, черных (крепких) сыновей в ряд посади (имей), а по левой — (как красный таволожник) невесток посади (имей). — Благопожелание).

4. *Буга шинги ута наһатаэ, буха шинги бүдүүн хүзүүтээ болоороз* (Будь как изюбр долголетним, как пороз — с толстой шеей (крепким). Благопожелание).

5. *Колхоозоо баян болгохын тухаз хэлсээбди* (Мы говорили об укреплении нашего колхоза).

6. *Олоноэ тула оролдохо хэрэгтээ* (За массы надо бороться).

Послелога *дотор* (внутри, в), часто встречающегося в говорах восточного наречия и в монгольском языке, здесь мы не встретили. Послелог же *дээрэ* (на, над) встречается довольно часто. Примеры: *Хөбишин ороз дээрэ хоноод ерэбэ аалши?* (На вершине хребта провел ты ночь и пришел?)

НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕРЫ ПОСТРОЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Принято считать, что в бурятском и в других монгольских языках слова в предложении располагаются в строгой последовательности:

грамматически подчиненные слова ставятся перед подчиняющими, сказуемое — после всех остальных членов предложения, а подлежащее — всегда перед сказуемым. Но в тункинском говоре иногда наблюдается необычное построение предложения, например:

1. *Эсэгэ хөбүүн хоёр хөбшөдө гараа, нохойго дахуулад* (Отец с сыном пошли в тайгу, ведя за собой собаку свою). Здесь предложение заканчивается разделительным деепричастием *дахуулад* (ведя). В литературном бурятском языке это предложение выглядело бы так: *Эсэгэ хүбүүн хоёр нохойгоо дахуулад, хүбиздэ гараа* (Отец с сыном, ведя за собой собаку [свою], в тайгу пошли). Предложение заканчивается глаголом прошедшего времени *гараа* (пошли).

2. *Ши манаэда ерээрэйш ашшалжа* (Ты к нам приходи в гости, букв. «гостя»). Предложение заканчивается соединительным деепричастием. В литературном было бы: *Ши манаэда айлшалжа ерээрэйш* (Ты к нам в гости приходи), т. е. предложение заканчивается глаголом-сказуемым *ерээрэйш* (приходи).

3. *Гоородто ошохом, дулаан болболнь* (В город поеду, если потеплеет). Предложение заканчивается условным деепричастием *болболнь* (если будет тепло). В литературном языке было бы: *Дулаан болболнь, город ошохом* (Тепло будет — в город поеду). Предложение заканчивается глаголом будущего времени *ошохом* (пойду или поеду).

4. *Ухибүүд өдөр бэрэ наадана манаэ баран тээ* (Дети каждый день играют на западной стороне от нас). Предложение заканчивается обстоятельством места *баран тээ* (на западной стороне). В литературном было бы: *Ухибүүд үдэр бүри манай баруун тээ наадана* (Дети каждый день на западной стороне от нас играют). Предложение заканчивается глаголом настоящего времени *наадана* (играют).

5. *Манаэ холхоозын адуун бэээ урда талаар бэлшээжэ ябаһан* (Нашего колхоза табун, кажется, на южной степи пасущийся). Здесь предложение заканчивается определительным причастием *бэлшээжэ ябаһан* (пасущийся). В литературном было бы: *урда талаар бэлшээжэ ябаһан манай колхозой адуун бэээ* (По южной степи пасущийся нашего колхоза табун, кажется). Предложение оканчивается на частицу предположения *бэээ* (кажется).

У представителей старшего поколения наблюдается тенденция включать в предложение обособления, вводные слова и предложения, например: *Хөбүүниин, бага хөбүүниин, пээиэ дээрээ унтадаг баэгаа* (Сын его, младший сын, на печке обычно спал). *Бургааһаар, улаан бургааһаар, хүрэн өртөөнө хэдэг* (Прутом, красным прутом, колья изгороди связывают). *Ураз, би залуу баэгааб тиихэдэ, ехэ ган болоо манаэ эндэ* (Раньше, я молодым был тогда, большая засуха была у нас здесь).

Наблюдаются такие связи слов в предложении: *Шоно нохой һазн гүү?* (Волк-собака благополучно ли?) Смысл фразы таков: Не нападают ли волки на домашний скот? *Таа хоёр юу хэрэг зориг ерээбтэ?* (Вы двое что дело, намерение прибыли?) Смысл таков: Вы оба по какому делу прибыли? Здесь первые пять слов в номинативе и последнее *зориг* в качестве объекта в предложении не имеет грамматического согласования с завершающим *ерээбтэ* (пришли).

Надо сказать, что приведенные способы построения предложений во взятом нами говоре не являются самодовлеющими. Тем не менее подобный характер оформления предложений, сравнительно с другими родственными говорами, занимает в тункинском значительный удельный вес. Поэтому мы сочли нужным, хотя бы вкратце, сказать об этом здесь.

При сопоставлении словарного состава тункинского говора с другими бурятскими говорами довольно наглядно обнаруживается промежуточное положение этого говора. Это сказывается в параллельном употреблении тех или иных терминов, т. е. для называния одного и того же предмета или явления употребляются слова как западного, так и восточного диалектов.

В качестве иллюстрации приводим следующие примеры:

Зап. диал.	Тунк. гов.	Вост. диал.	Перевод
гуилга	гуилга, бэлэг	бэлэг	подарок
минаа	минаа, ташуур	ташуур	кнут
дааһан	дааһан, гааһан	гааһан	курительная трубка
һуулга	һуулга, хүнэг	хүнэг	ведро
хура	хура, бороо	бороо	дождь
нажар	нажар, зун	зун	лето
жэл, ел	жэл, он	он, жэл	год

Среди слов, употребляемых параллельно, встречаются и фонетические варианты:

Зап. диал.	Тунк. гов.	Вост. диал.	Перевод
шэхэ	шэхэ, сэхэ	сэхэ	прямо
хүшэн	хүшэн, хүсэн	хүсэн	сила, мощь
эбшэн	эбшэн, өбшөн	үбшэн	болезнь
гүдэһэн	гүдэһэн, гэдэһэн	гэдэһэн	кишечник
үбээ	үбээ, үгээ	үгы	нет

Но тункинский говор по своему словарному составу имеет некоторые расхождения с восточным и западным диалектами бурятского языка. Диалектные слова, характерные для рассматриваемого говора, иногда вовсе неизвестны указанным диалектам или имеют отличия в звуковом и грамматическом оформлении.

А. Расхождения в названиях предметов с западными и восточными говорами:

Тунк. гов.	Зап. диал.	Вост. диал.	Перевод
альган хүрээ	хэлээмээн хүрээ	талха худхаха хүрээ	маленькая лопатка для теста
худхуур	худхуурга	юумэ худхадаг модон	мешалка
табхасаг	төөрсөг	байлгансаг	деревянная крынка для молока
һэрбээ	аша	бүлүүр	мутовка
һубяаг	—	—	берестяное корытце
соол	тура, в ал. соол	гэр, байшан	дом
нооһон	нооһон	нооһон	В тунк., ал. <i>нооһон</i> — волос, в других говорах <i>нооһон</i> — шерсть, а волос — <i>үһэн</i>
һоно	ногоһон	нугаһан	утка
дабсан хэрэн-сээ	гэшхүүр хэрэнсээ	шата	ступеньки крыльца
теэбни	төөдээ	хүгшэн эжы	бабушка
таабаэ	ехаэ баабаэ	хүгшэн аба	дедушка
булхаан	татаар, ал. малхаан	—	бурятская плита с котлом

сүү	hүн, өhөн	hүн	молоко
гутаар сүү	—	—	молоко третьего подоя
адха	—	хайр	щепень
ортоомо	—	—	помесь коровы с яком
уһан гүзээн	—	—	приплод от ортомы и хай- нака
хөхө нюдэн	—	—	приплод от уһан гүзээн

Б. Слова, которые в других говорах употребляются редко или имеют иное значение: *бодорхой хүүн* (действительно, хороший человек). В других говорах этого слова нет. *Зангаар* (подобно, похоже): *Дээрлээ бууһан зангаар, хурса хотьгоор зороһон зангаар (өндөгөн)* (Сверху спустившемуся, дождевой водой умытому подобно и острым ножом отструганному подобно (яйцо). *Баримта* (неволя, заключение): *Иижэ баримтада һууһан хозноо эндээ наһаа дүүрээ болохоб* (Раз попал в такую неволю (заключение), жизнь моя здесь и кончится). В восточном диалекте *баримта* означает основание, доказательство.

В. Некоторые глаголы и другие слова, отсутствующие или осмысляемые иначе чем в других говорах: *сазраха* (сделаться культурным, просветиться): *Одоо мөнөө болоходоо, хүүн бүгэдэ сазража, эрдэмтээ боложо баэна* (И вот теперь все люди становятся культурными и образованными).

Мунишаха, мунтиха (мучиться, терпеть лишения): *Хиана хоргодохошниб, — гэбэ һамганиин. Баһаа хурабиша соогоо хоргодохоб, — гэбэ. Бу мунти, ондоогоор хоргодохош, — гэбэ һамганиин* (Где будешь прятаться? — спросила жена. Опять в наперстке буду прятаться, — сказал (он). — Не мучайся, другим способом будешь прятаться, — сказала жена).

Алдарха (ослабеть, терять силу): *Хөгшөн болжо, газаа гарахаяа алдаршоод һуунаб* (Постарел, я не в силах и на улицу выходить).

Сээнхэ (определить, соизмерять): *Шуумагаэ ябаһан хүүн нара үдэдэ, удаан яабал — үдэшин боро хараанда гэжэ сээнэбэ* (Если быстро пойти, то в полдень; если тихо, то в сумерки, — так определил он). *Болдогоор сээнэжэ, миша табыба, нуураар сээнэжэ архи табыба* (Соизмеряя с бугром (горкой), мясо приготовили, соизмеряя с озером, вино приготовили).

Хөөхэ (гнать, прогнать, выгнать): *Нанишаад, сохёод хөөтьтебэ* (Побил, поколотил и выгнал).

Базсалдахи (сражаться, воевать): *Гурбан һөни, гурбан өдөр базсалдаба* (Три ночи и три дня сражались).

Хашхарха (кричать, звать): *Морго аба гэжэ хашхарба* (Возьми коня! — кричал (он)).

Зун зудхэ (непреренно, во что бы то ни стало): *Хоёр хубуун зун зудхэбэ, һамга бэдэрхэмнэ гэжэ баэна даа* (Два молодца решили во что бы то ни стало искать себе жен).

Бадаха (накричать; приказать, повелевать): *Тэрэ хоргоэ торгон самсаа өмөд гэжэ бадага тэрэ басаган* (Надень ту парчовую рубашку, — так приказала та девушка). В западном диалекте «накричать» — *бадарха*, а в восточном — *бадашаха*. В литературном языке *бадарха* — развиваться, возрастать, процветать.

Оэхо — упасть; отскочить: *Һомон хана сохёод, гүдэргээ отчи оэходоо, нэгэ хүү онотьбо* (Когда пуля ударила об стену и отскочила назад, попала в одного человека).

Можно перечислить еще следующие слова: *гуршаха* (особым образом шивать куски кожи); *өбтэгэлэхэ* (особым образом прошивать подошвы унтов); *лабхандаха* (играть в бабки или камешки); *саргаха*

(покрываться паршой); *хургысха* (падать — о картофельной ботве); *тээрэхэ* (брезговать, гнушаться чем-либо); *ноёхо* (вяло двигаться, еле-еле шевелиться); *ээрэхэ* (задержаться — о молоке коровы); *хүрүүтхэ* (простудиться); *юндихэ* (язвить каким-нибудь тонким намеком); *хэхээхэ* (важничать, петушиться); *мангашалха* (работать быстро, с огоньком); *түнхэхэ* (выздоровать — о женщине после родов); *мээрэглэхэ* (недово-варивать, бормотать невятно); *мэдхэлдэхэ* (перечить): *Һаэнаар бэ мэдхэлдэ, муунаар бэ болзолдо* (хорошему [человеку] не перечь, с пло-хим — не улавливайся).

Хобоһон гахаэ (трехгодовалая свинья); *хуурмаг* (мешалка для размешивания зерна или муки во время поджаривания их в котле); *ша-гаэ* (игральные карты); *ээрмэг* (накипь — у кислого молока); *яньшаа*, *ябтаншаа* (дом с четырехскатной крышей); *хуудээ* (мешочек); *зоодоз* (карась); *зоргол* (годовалый изюбр); *бөөрдэг* (в Торах) или *асамаг* (в Мондах) жеребец (с одним шулятным яйцом); *гүльмэ* (черпак); *булсуу* (поплавок); *нюлгар* (небольшая без чешуи рыба); *төөбшэ хорхоэ* (ка-пустный червь); *бэлгэ* (символ); *гүүндэ* (соболь-самец); *бохинсог* (крюк для выдергивания сена из стога); *аданга* (небольшой кожаный мешочек, в котором хранятся ружейные принадлежности); *балхаан*, *яндан* (же-лезная печка); *дүгэнэһэн* (крыша юрты [дерн на крыше]); *туилабша* (меховые галоши, надеваемые сверх уитов); *бодьгоор* (мы с тобой); *уриинхаэ* (гнездо мышей и барсука); *номио* (логово дикой свиньи); *дэгэлээ* (старинная женская одежда, похожая на халат); *ходороо* (сва-тание невесты), *самалгаа* (деньги или скот, получаемые за выданную замуж дочь); *алаэр* (большой ящик); *һаэр* (галька, мелкий камень в русле реки); *биһалуу*, *биглоо* (лапта).

Гурбан маарал (три больших звезды — в зимнее время следуют за другими звездами); *оньһон* (ключ от замка); *Маарал һогоон* (название звезды); *ембэ тогоон* (большой котел); *сомогоэ* (шампиньон); *тороэ* (поросенок дикой свиньи); *төөргэ* (дерево, втыкаемое возле двери юрты перед свадьбой [женитьба сына]).

Табуистические названия некоторых зверей: медведь — а) *хилгаа-һан гуталта* (имеющий волосяную обувь); б) *баабаз* (отец, батюшка); в) *таабаз* (дедушка); г) *охор һуултэ* (короткохвостый). Обычное на-звание медведя — *хара гөрөөһөн* или *баабагаз*; волк — а) *хээрн, нохоэ* (степная собака); б) *нооһон толгоэто* (волосатоголовый); в) *боохолдээ* (привидение). Обычное его название — *шоно*; соболь — а) *бамбагар* (пу-шистый); б) *хангаэн хэшэг* (милость хангая). Обычное название соболя *булган*; выдра — *уһан тулам* (водяной тулун [кожаный мешок]). Обычное ее название — *халюун*.

О лексиконе старшего и молодого поколения

Словарный запас старшего поколения насыщен архаизмами и сравнительно беден заимствованиями из русского языка. Так, напри-мер, неграмотный охотник Бато Цыренов (улус Монды), 72 лет, в рас-сказе из своей охотничьей жизни в 370 слов употребляет всего лишь одно русское слово *архираа* (архирей). Причем его речь изобиловала частицей *хаяа*, употребленной для выражения предикативности, утверждения, а не предположения, например: *буугаа баряад ябба хаяа* (взяв ружье, пошел).

В рассказе из 500 слов старика Н. Жертакова (улус Тора), 70 лет, зафиксированы следующие архаизмы: *заяа* (судьба, предопреде-ление), *өргөөг* (дворец), *элчи* (посланец), *тор хара урьха* (ловушка, сеть), *хослог сабья* (пара сапог), *самсаэн хотьгоээн үзүүр* (кончик острого

ножа), *гани гарди* (одинокий; ловкий, коварный), *маэхан түрбэ гутал* (сапоги-скороходы), *нюдэн түүдэбиэ малгаэ* (шапка-невидимка).

Сильное влияние на лексический запас молодого поколения оказывает новый бурятский литературный язык. Словарный запас молодежи обогащается главным образом общественно-политическими терминами, например: *засаг* (правительство), *удардагша* (руководитель), *болбосорол* (образование, просвещение), *мөришөөн* (соревнование), *шүүмжэлэл* (критика), *наэрамдал* (согласие, дружба), *баэгуулта* (строительство). Число таких терминов можно увеличить во много раз.

З а и м с т в о в а н и я. В лексике говора значительное место занимают заимствованные слова. Заимствования из русского языка можно разделить на две группы, а именно: 1) дореволюционные и 2) послереволюционные.

Дореволюционные заимствования касаются, главным образом, предметов домашнего обихода: а) постройки и домашняя утварь: *пезшэ* (печь), *пильтаа, пильтаак* (плита), *хажуунха* (обогреватель в печи), *ушааг* (очаг) — местные русские называют «горнушка»; *ашхааб, уишааб* (шкаф), *остоол* (стол), *үстүүл* (стул), *уваальник* (умывальник), *амбаар* (амбар), *шүшээг* (сусек), *оохолуб, оохлоби* (охлупень), *маатинса* (матица), *хасазк, холоод* (косык), *пахалаашха* (кол для изгороди), *ислээгэ* (слега); б) посуда: *шобуунха, шомуунха* (чугунный горшок), *шаадниг, шааниг* (чайник), *олоошхо, олоошхо* (ложка), *самбаар, санваар* (самовар), *тахаан* (стакан), *бүлюүсэ* (блюдец), *хурьт* (корыто), *сээлинсэ* (сезальница), *хубаашна, хубаашнаг* (квашня), *ислаанха, нутылхэ* (бутыль), *галипин* (графин), *хастгрюлга* (кастрюля), *хүүнниг* (медный котелок), *пилаага* (деревянный сосуд), *хараанта* (крант); в) полевые и огородные культуры: *шэниисэ* (пшеница), *обёосо* (овес), *яарса*(ярица), *ишмээн* (ячмень), *пааданха* (падалица), *гэршүүтхэ* (гречиха), *хапууста* (капуста), *морхоог* (морковь), *эрээпэ, эрээпхэ* (репа), *помьдоор* (помидор), *түрнээпхэ* (турнепс), *улуук* (лук), *эрдисхэ* (редиска), *исвёохло* (свекла).

Послереволюционные заимствования касаются общественно-политических и других, новых для бурятского языка, терминов и слов, появившихся в результате бурного роста экономики и культуры Бурятии в советскую эпоху: *эрбэлюсэ* (революция), *республикхэ* (республика), *хомониизмэ, комуниизмэ* (коммунизм), *парти* (партия), *партийнэ* (партийный), *партоорго* (парторг), *комсомоол* (комсомол), *комсомоолнууд* (комсомельцы), *перзииджум* (президиум), *плээнүүм* (пленум), *паравлээни* (правление), *сэкритаар* (секретарь), *хэриитихэ* (критика), *астахаанов* (стахановец), *гээрбэ* (герб), *удаарник* (ударник), *эрдаактар* (редактор), *газэгтэ* (газета), *журнаал* (журнал), *араади* (радио), *синоо, кино* (кино), *шайноэ* (чайная), *остолосво* (столовая), *гараамата* (грамота), *агарноом* (агронсм), *зстезхник* (зсотехник), *хоонюух, коонюх* (конюх), *даяарха* (доярка), *асхалаад* (склад), *хамбаэна* (комбайн), *гараабли* (грабли), *культибаатар* (культиватор), *сатиин* (сатин), *шерстиноэ палаати* (шерстяное платье), *дягнаал* (диагональ), *ховирхоод* (коверкот) и т. д.

Заимствуются не только отдельные слова, но и калькируются сочетания слов, например: *улаан булан* (красный уголок), *соцолиис мөришөөн* (социалистическое соревнование). Наблюдается переосмысление бурятских слов по русскому образцу, например: *үгэ абха* (брать слово на собрании), *мөнөөдөрүн өдөртө* (на сегодняшний день) и т. д.

В речи носителей говора широко употребляются русские слова несмотря на то, что в самом говоре имеются бурятские слова, обозначающие соответствующие понятия. Так, например, в речи неграмотного колхозника Рабсыла Шармаева, 35 лет, зафиксированы следующие неоправданные заимствования: *Полибосдсхо арғыбоото шадхаб* (Полевод-

ческую работу умею делать). *Бедняг ябаһан хуунби* (Был я бедняком). *Быгбэр, намид үбээ хөдлөөд ябагшаб* (Работаю без выговоров и постановки на вид). *Аэмэгһаа далан табан модон арастаяани* (От аймака на расстоянии 75 верст). *Бсяаха пьрооши хөдмөр* (Всякая прочая работа). *Арбан хоёр жэл холостоз ябааб* (Двенадцать лет холостым ходил). *Поростоз ухаагаараа хөдлөөд ябагшаб* (По простому уму своему работаю). *Шислоогоо хээйти* (Проставь число).

В речи другого малограмотного колхозника Шобоева Дондока, 42 лет, были отмечены следующие случаи неоправданных заимствований: *Амитан зон болбол тиимэ ехэ сознательна бэиэ* (Население не такое уж сознательное). *Турдобоз достижеэни дунда зэргэ* (трудовое достижение среднее). *Оэ таагада гарша, дөрбө-табан хуун агнадаг, ямаршбээ перебыполнеэни хэдэг* (выходят в тайгу на охоту 4—5 человек и без особых затруднений, перевыполняют задание). *Государствын задаани дүүргэдэг* (Государственное задание выиолняют). *Арьдобоз шьлээн* (рядовой член). *Дөрбөн жэл актииваар хөдлөөб* (Четыре года активистом работал). *Таба дахин прээми абааб* (Пять раз был премирован).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В территориальном отношении тункинцы занимают между другими бурятами срединное положение.

2. Генеалогия тункинских бурят довольно сложна. В данное время тункинскую долину населяют около десяти отдельных родов, прибывших сюда в разное время и из разных местностей.

Как по давности проживания на данной территории, так и по своей численности первое занимают хонгодоровцы.

3. Несмотря на разнородность этнического состава носителей, в языке тункинцев встречаются лишь редкие случаи перебоя в названиях отдельных предметов, например: *лонхо* в улусе Хоймор означает оконное стекло, в Торах — бутылка; жеребец с одним шулятым яйцом, в Торах — *бөөрдэг*, а в Мандах — *асамаг*.

4. Из западных говоров более сходен с тункинским аларский говор в отношении начального ж: *жоргоон* (шесть), *жада* (копье), *жолоо* (повод узды) и т. д. Эти два говора в своем словарном составе имеют много общих слов: *соол* (дом), *зоодоз* (карась) и т. д.

5. Имеются случаи употребления слов в монгольской огласовке: наряду с *хахалха* употребляются *хагалха* (пахать; расколоть), *һун* — *сүү* (молоко) и т. д.

6. В исследуемом говоре, как и в некоторых других бурятских говорах, различаются *ө* и *ү*, например: *өдөр* (а не *үдэр*) — день, *дөрөө* (а не *дүрөө*) — стремя.

7. Встречается параллельное употребление некоторых как западных, так и восточных слов: *гүдэһэн* || *гэдэһэн* (живот), *эбшэн* || *өбшөн* (болезнь), *шэхэ* || *сэхэ* (прямо), *үбээ* | *үгүи* (нет) и т. д.

8. Для тункинского говора характерно наличие комбинаторного кк в многосложных словах типа *гаракка* из *гаргаха* (выпустить), *мэдэжкээ* из *мэдэхэгүй* (не знаем, не знает), *ябаккээ* из *ябахагүй* (не пойдет или не поедет).

9. Наблюдается употребление разных согласных в литературном бурятском языке и тункинском говоре: *т* — *с*: лит. *слитир* — тунк. *сазсар* (до тех пор пока не поседет или не побелеет), *ш* — *с*: лит. *сабшаха* — тунк. *сабсаха* (косить или рубить).

10. В области морфологии наблюдаются следующие особенности: а) в именительном падеже некоторые основы имен имеют дифгн-

гические окончания, например: *хулганаэ* (вм. *хулгана* — мышь), *дологоноэ* (вм. *дологоно* — боярышиик), *зэдгэнээ* (вм. *зэдэгэнэ* — клубника);

б) в родительном падеже основы на краткие гласные оформляются дифтонгоидным окончанием с *н*, например: *хада* — *хадаэн*, вм. лит. *хадын* (гора — горы), основы, оканчивающиеся на согласный, в родительном падеже принимают двойное окончание *аэ* или *ии* при переходе *д* в *н*: *бурядаэ*, *буряаһии* (бурята); основы, оканчивающиеся на переднеязычный *н*, как правило, в родительном падеже принимают окончание *и*: *морини* (вм. лит. *мориноэ*); основа на *г* в генетиве принимает окончание *и*, при этом *г* переходит в *ј*, например: *сэсэг* — *сэсэји* (цветок — цветка), *засаг* — *засаји* (власть — власти);

в) форма безличного притяжания родительного падежа совпадает с формой аккузатива (показатель *-яа*, *-эз*, *-ёо*), например: *ахаяя морни мээл аба* (сиими седло с коня старшего брата);

г) в качестве соединительного согласного после долгих гласных чаще всего выступает среднеязычный *й* вм. литературного *г*, например: *бууйаа* (вм. лит. *буугаа* — ружье свое).

11. Наблюдается образование синтетических форм в результате слияния сложного или составного глагола, например: *уутытёо* (вм. *уужа орхёо* — выпил), *баритытёо* (вм. *бариха орхёо* — поймал).

12. В речи тункинцев часто слышатся слова *эньшаа* (в этом направлении, вот сюда) и *тэньшаа* (в том направлении, вот туда). Они образовались в результате слияния указательных местоимений *энэ* (это) и *тэрэ* (то, тот) с послелогом *тушаа* (направление, место). Эти образования могут принимать некоторые падежные окончания: *Тэньшааһаа эрээ* (Оттуда прибыл); *Эньшаагуур яба* (В этом направлении иди).

13. Обращает на себя внимание необычный порядок слов в предложении: *Би түлэгэндэ ошооб, үхэрээ хүлөөд* (Я за дровами поехал, быка запрягши) вм. *Би үхэрээ хүлөөд түлэгэндэ ошооб* (Я быка запряг и за дровами поехал); *Манаэда эрэ ашиалжа* (К нам приходи в гости) вм. *Манаэда аэшиалжа эрэ* (К нам в гости приходи).

14. Наблюдается параллельное употребление ряда слов, характерных как для западного, так и для восточного диалекта: *хура* — *бороо* (дождь), *он* — *жэл* (год), *нажар* — *зун* (лето), *тлшуур* — *мичал* (кнут).

15. В тункинском говоре имеют место названия предметов, не встречающиеся в других говорах или иначе осмысливаемые в них, например: *һоно* (утка), *гутлар сүү* (молоко третьего удоя), *тлбээ* (дедушка), *теэбиш* (бабушка), *бодэрхээ* (действительно; конечно; в особенности).

16. В лексиконе старшего поколения тункинцев встречаются монголизмы и архаизмы, например: *эчи* (посланец), *өрөөз* (дворец), *зэм* (дорога), *сэмсээ* (чистый, непорочный).

17. В целом словарный состав тункинского говора в отношении быговой лексики и шаманской терминологии близок к западно-бурятским говорам, а с восточными соприкасается главным образом в отношении буддийско-ламских и отчасти общественно-политических терминов. Наконец, монгольским источником могут быть объяснены некоторые архаизмы и неологизмы, встречающиеся в фольклоре.

18. Имеются некоторые различия в лексике старшего и младшего поколения, о чем были приведены материалы выше.

19. Разнообразны произведения устного народного творчества. Молодежь, живо реагируя на общественно-политические события, в своих песнях воспеваеет великого вождя трудящихся В. И. Ленина,

слагает песни о доблестных подвигах героев Отечественной войны и энтузиастов социалистического строительства. В связи с коренной перестройкой жизни улусов на основе коллективизации и механизации и быстрым развитием грамотности и культуры язык трудящихся обогащается заимствованными из великого русского языка и интернациональными терминами. Наряду с этим некоторые прежние слова типа *ноён* (начальник) переосмысливаются и теряют свой былой смысл.

20. В связи с обогащением словарного состава языка замечается приобретение навыков в правильном произношении таких не характерных для бурятского языка звуков, как *ф, в, ц, ч, щ* и стечений согласных, например в таких заимствованиях, как *фабрика, завод, трактор, стахановец* и т. п.

Как указывалось выше, тункинская долина занимает между территориями других бурят срединное положение, что, по нашему мнению, обусловило в языке тункинцев некоторые своеобразия. В этом говоре переплетаются черты, свойственные как западному, так и восточному диалекту бурятского языка¹.

¹. Первичное редактирование и сокращение рукописи Д. А. Абашеева „Тункинский говор“ было сделано старшим научным сотрудником отдела языка письменности БКНИИ А. Д. Шагдаровым.—Ред.